

ВЕСТНИК ФИЛОСОФИИ

2023, Том 1, №1

Подписано к публикации: 05.03.2023

Главный редактор журнала
Игнатов Михаил Александрович
доктор философских наук, профессор

Члены редакционной коллегии

Ан Светлана Андреевна (РФ, г. Барнаул) – доктор философских наук, профессор

Беданокв Рамазан Асланович (РФ, г. Майкоп) – доктор философских наук, профессор

Изгарская Анна Анатольевна (РФ, г. Новосибирск) – доктор философских наук

Рубанцова Тамара Антоновна (РФ, г. Новосибирск) – доктор философских наук, профессор

Фролов Анатолий Серафимович (РФ, г. Барнаул) – доктор философских наук, профессор

Яценко Михаил Петрович (РФ, г. Красноярск) – доктор философских наук, профессор

Е-mail: vf-journal@yandex.ru

Сайт: <https://vf-journal.ru>

© *Вестник философии, 2023*

Содержание

Донецкий Д.В.

Конфигурации времени в онтологическом измерении: пересечение философии и физики в поисках структуры бытия 4-11

Чжао Шуан

Воплощение оптимизма в китайской философии 12-21

Ищутина В.М.

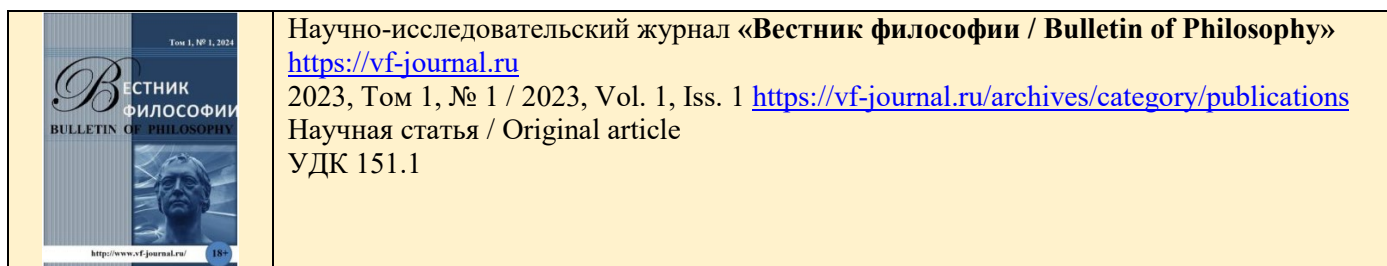
Аххабизм в России: генезис и характерные черты духовного течения 22-29

Чжао Шуан

Источники оптимизма в китайском языке и культуре 30-42

Слепинина М.Г.

Проблема онтологического статуса свободы воли 43-50

¹ Донецкий Д.В.,

¹ Юго-Западный государственный университет

Конфигурации времени в онтологическом измерении: пересечение философии и физики в поисках структуры бытия

Аннотация: в рамках настоящего научного труда предпринимается основательное исследование концептуального анализа времени через призму онтологических исследований, акцентируя внимание на синергии философских исследований и физических дисциплин в контексте понимания оснований существования. Данное исследование направлено на объективное выяснение и всесторонний осмотр многогранных форм времени, представленных как в традиционных так и в новаторских теоретических рамках.

Исследование начинается с детального рассмотрения основополагающих онтологических концепций и принципов, которые формируют основу для философского осмысления времени, простираясь от античной мысли до средневековой метафизики, от новоевропейской философской традиции до современного течения мысли.

Далее, работа переориентируется на изучение времени через призму современных достижений физики, включая теорию относительности и квантовую механику, для того чтобы исследовать их влияние на наше осмысление онтологической структуры времени и пространства и на смещение установившихся представлений о сущности.

На перекрестке двух этих дисциплин осуществляется анализ потенциала их интеграции для формирования нового видения времени, способного способствовать более глубокому и комплексному восприятию структуры существования. Задачей автора является выявление способов, которыми различные нарративы времени могут воздействовать на наше понимание бытия, и исследование возможности включения этого понимания в более обширный онтологический диалог.

В итоге, данная работа представляет собой междисциплинарное рассмотрение временных структур в контексте онтологии, подчеркивая возможности объединения философских и физических подходов в стремлении к более глубокому разбору фундаментальных принципов существования. Такой методологический курс обещает способствовать разработке новаторских подходов в интерпретации времени, что может оказать свет на ряд комплексных вопросов, стоящих на пути развития современной философии и науки.

Ключевые слова: онтологические измерения времени, философия времени, физика времени, структура бытия, временные конфигурации, темпоральная онтология, квантовая теория времени

Для цитирования: Донецкий Д.В. Конфигурации времени в онтологическом измерении: пересечение философии и физики в поисках структуры бытия // Вестник философии. 2023. Том 1. № 1. С. 4 – 11.

Поступила в редакцию: 3 января 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 3 февраля 2023 г.; Принята к публикации: 5 марта 2023 г.

¹ *Donetsky D.V.*,

¹ *Southwestern State University*

Time configurations in the ontological dimension: the intersection of philosophy and physics in search of the structure of being

Abstract: within the framework of this scientific study, a thorough exploration of the conceptualization of time is conducted through the lens of ontological inquiry, focusing on the interplay between philosophical research and physical sciences in the context of comprehending the foundations of reality. This research aims to objectively clarify and comprehensively examine the diverse manifestations of time present in both traditional and contemporary theoretical frameworks.

The investigation begins with a detailed analysis of the fundamental ontological ideas and principles that underpin the philosophical understanding of time, ranging from ancient thought through medieval metaphysics to the New European philosophical tradition and the contemporary stream of thought.

Further, the book focuses on the study of time through the lens of modern physics, including relativity and quantum mechanics. It explores their impact on our understanding of time and space, as well as the displacement of traditional ideas about existence.

At the intersection between these two fields, the author analyzes the potential for integration to create a new perspective on time. This new vision could contribute to a deeper understanding of being and existence. The book aims to identify how different narratives about time can influence our understanding of ourselves and to explore the possibilities of integrating this understanding into a broader philosophical discussion.

As a result, this research is an interdisciplinary study of temporal structures within the context of ontology. It emphasizes the potential for combining philosophical and physical perspectives in order to better understand the fundamental principles of existence. This methodological approach promises to contribute to the development of innovative methods for interpreting time, which could shed light on various complex issues that hinder the advancement of modern philosophy and science.

Keywords: ontological dimensions of time, philosophy of time, physics of time, structure of being, temporal configurations, temporal ontology, quantum theory of time

For citation: Donetsky D.V. Time configurations in the ontological dimension: the intersection of philosophy and physics in search of the structure of being. Bulletin of Philosophy. 2023. 1 (1). P. 4 – 11.

The article was submitted: January 3, 2023; Approved after reviewing: February 3, 2023; Accepted for publication: March 5, 2023.

Введение

В рамках настоящего исследования осуществляется глубокий анализ мира как данности для индивидуального существа в пределах его повседневного бытия. Жизненные процессы формируют у человека представления о реальном существовании социального и природного контекстов. Одновременно, духовные учения, мифологические системы и философские подходы представляют собой разнообразные интерпретации мировой реальности. Эта многогранность восприятия мира обусловлена социальной организацией людей в рамках разнообразных групп, классов и коллективов, что ведет к формированию коллективно обусловленных мировоззрений, содержащих разнообразные концептуальные представления о действительности. Существование групповых мировоззрений позволяет мысленно конструировать действительность как объективно существующую, так и иллюзорную, опираясь на разнообразные их сочетания [1].

Философия выступает ключевым механизмом в создании групповой картины мира, предложив с древнейших времен специфику методов и систему категорий для всестороннего описания универсума. Категория «Бытие» занимает центральное место в этой системе, отражая всесторонне общее понятие, получившее разнообразные интерпретации от мыслителей на протяжении истории человечества [2, с. 162]. Понимание этой категории имеет критическое значение для осмысления динамик общественного сознания, а также для анализа процессов развития научных и гуманитарных дисциплин, включая современные тенденции в мифологическом и повседневном мышлении. Таким образом, анализ структуры и содержания категории «Бытие» представляется необходимым для глубокого понимания упомянутых процессов.

Рефлексии о природе времени открывают перед мыслящим субъектом глубокие и захватывающие горизонты исследования. Первоначальное восприятие времени, обманчиво кажущееся простым и очевидным – отмечаем мы такт часов, отсчет минут, ощущаем движение времени [3, с. 186].

Аристотель уже отмечал, что мало что может сравниться по сложности с понятием времени, оставаясь для многих непостижимым и трудноуправляемым [4, с. 46]. С древних времен и далее в эпоху метафизики, время является объектом углубленного изучения, где метафизика, занимаясь изысканиями первопричин и основ мирового устройства, отражает неявные предпосылки нашего разумения. Конкретные знания, столь высоко ценимые в современном обществе, становятся возможны благодаря поддержке на скрытых абстракциях, к которым мы обращаемся, часто даже не осознавая этого [5, с. 28]. Следовательно, метафизика представляет собой неотъемлемую часть европейского культурного пространства и ее игнорирование не совместимо с идеалами культурированной личности. Более того, качественная метафизическая проработка предшествует созданию успешной физики как эмпирической науки. Величественную тайну времени справедливо можно отнести к числу фундаментальных первооснов, что подчеркивается в работах наиболее зна-

кового метафизика XX века М. Хайдеггера, в частности, в его монументальном исследовании «Бытие и время».

Материалы и методы исследований

В исследовании были использованы следующие методы:

1. Систематический обзор литературы: будет проведен обзор и анализ научных и философских работ, чтобы сформировать теоретическую базу исследования. Это позволит определить ключевые концепты, теории и гипотезы, связанные с ролью времени в структуре бытия.

2. Концептуальный анализ: использование этого метода обеспечит критический разбор и синтез идей, связанных с временем и его многоаспектностью в контексте бытия. Концептуальный анализ позволит выявить основные понятия, определения и категории, используемые в философии и физике для описания времени.

3. Компаративный анализ: сравнение различных теорий времени и их влияния на понимание структуры бытия поможет выявить сходства и различия между философскими и научными подходами, а также оценить вклад каждого из них в развитие междисциплинарной теории времени.

4. Метод кросс-дисциплинарной интеграции: этот метод подразумевает перекрестный анализ данных и концепций из различных научных дисциплин, с целью создания обогащенной, мультидисциплинарной перспективы на рассматриваемую проблему. Обеспечивает интеграцию знаний и предоставляет возможность для генерации новых гипотез и теоретических моделей.

Результаты и обсуждения

В качестве альтернативы к реляционным подходам появляется концепция субстанциональности времени, представляющая его в виде космического потока универсального характера, проникающего в пределы нашей вселенной с внешней стороны. Этим самым, время избегает возможности убыли даже в контексте экстремально низкого распределения материальной субстанции в пространственной среде. Пробразы данного мыслительного направления имеются в научном наследии Исаака Ньютона. В рамках ньютоновской механики время рассматривается как автономный параметр, интегрируемый в уравнения, характеризующие движение объектов, и не зависящий от каких-либо других параметров. Такой подход ставит время на пьедестал с высоким, метафизическим статусом абсолютного, подлинного, математического времени. Отсюда возникает предпосылка о том, что в фундаменте архитектуры математической физики изначально заложенный символ – «капсула времени», аналогичная метафорическому посланию для подрастающих поколений ученых будущего [6, с. 7].

Исследуя время как всеобъемлющий поток, пронизывающий космическую сущность Вселенной, мы видим, как оно обеспечивает доступ к циклам трансформаций, действуя в роли агента интеграции дополнительного энергетического потенциала. Эта добавленная энергия находит свое отражение в светимости астральных тел – масштабных сфер, состоящих из газа, достигшего предельных температур. Разработки в области каузальной механики обогащают наше понимание влияния внешних сил, в то же время выявление

указанных сил в отдаленных уголках космоса, вдали от гравитационного влияния крупных астрономических объектов, сталкивается с трудностями, схожими с обнаружением гравитационных эффектов в межгалактическом вакууме [7, с. 45].

В ходе преодоления этого научного вызова, Н.А. Козырев в сотрудничестве с В.В. Насоновым, объединили глубинные теоретические разработки и мастерство экспериментальных исследований. Использованные ими сенсоры незамедлительно зафиксировали неочевидные явления: активности, происходящие в зоне обзора детекторов, способны либо генерировать, либо абсорбировать субстраты, имеющие схожесть с энергетическими проявлениями [8, с. 11].

Дальнейшая экспансия указанных рассуждений дала возможность осмыслить «течение времени» как беспрепятственный, вечный источник негэнтропии, который вносит свой вклад в поддержание жизни, разнообразия и сложности явлений природы [9, с. 147].

С появлением теории относительности и квантовой механики, классическое философское понимание времени сталкивается с необходимостью переосмысления в контексте новых физических данных. Релятивистская физика разрушает идею о независимости времени, связывая его с пространством и представляя временно-пространственный континуум. Квантовая теория, в свою очередь, предлагает идею о неоднородности времени, раскрывая его дискретную структуру [10, с. 29].

Синтез философских и физических подходов к пониманию времени оказывает существенное влияние на онтологическую картину мира. Это пересечение дисциплин позволяет выйти за рамки устоявшихся представлений, предлагая новую интерпретацию временных структур в контексте бытия. Такой подход способен предложить комплексное видение структуры бытия, где временные конфигурации вносят вклад в формирование его многомерности и сложности.

Научный диалог между философией и физикой открывает пространство для критического анализа и конструктивного обогащения понимания времени, вызывая к жизни новые теории и модели. В этом контексте, осмысление времени как фундаментальной категории бытия может привести к разработке новых онтологических и физических парадигм, расширяющих границы нашего понимания универсума.

Структура бытия, определяемая через конфигурацию времени, представляет собой многоуровневую и динамичную систему, в которой временные параметры становятся ключевыми элементами в описании основных характеристик и свойств реальности. В таком контексте временные конфигурации служат не просто мерой последовательности событий, но и фундаментальным аспектом, определяющим структурные особенности и качественные состояния бытия.

1. Мультидименсиональность времени: время, рассматриваемое как многомерная сущность, дает возможность понять сложные взаимосвязи, существующие между различными аспектами бытия. Мультидименсиональное время охватывает не только линейное последовательное измерение, но и включает в себя слои, которые могут проявляться через цикличность, обратимость и параллельность процессов в различных уровнях бытия.

2. Временные закручивания: принимая во внимание, что структура бытия определяется через временные параметры, можно говорить о наличии временных закручиваний, где прошлое, настоящее и будущее могут

коэкзистировать в одном и том же моменте. Эти взаимопроникающие временные слои создают состояния, где причинно-следственные связи выходят за рамки линейной логики, формируя более сложную картину взаимодействия элементов реальности.

3. Пластичность времени: бытие как временная конфигурация подчеркивает пластичность времени в контексте восприятия и воздействия на материальный и нематериальный мир. В этой перспективе временные параметры могут быть изменяемыми и адаптивными, что позволяет бытию переформатироваться и реорганизовываться в ответ на внутренние и внешние стимулы.

4. Интегральность и сегментация: определение структуры бытия через время предполагает возможность рассматривать его как единую интегрированную систему, одновременно допуская сегментацию на отдельные, временно обусловленные составляющие. Эта двойственность подчеркивает динамичность бытия, способность к саморегуляции и самоорганизации в рамках временных циклов.

5. Трансцендентальное измерение: конфигурация времени в структуре бытия также касается трансцендентального аспекта, где временные параметры выступают как средство доступа к высшим, непостижимым уровням реальности. Временные конфигурации становятся порталом, через который может осуществляться переход к иным онтологическим пространствам и измерениям.

Понимание времени как фундаментального параметра бытия позволяет более глубоко анализировать его структуру и природу, предоставляя новые перспективы для философского и научного исследования.

Выводы

Рассмотрение временных конфигураций в ракурсе онтологических измерений представляет собой комплексную междисциплинарную область, где взаимодействуют фундаментальные принципы философии и научные подходы физики для глубинного понимания структурных основ бытия. Это направление акцентирует свой фокус на объединении знаний, касающихся как макроскопического, так и микроскопического уровней реальности, с основной целью – раскрытием роли времени как детерминанта структурно-функциональной сложности самой сущности бытия.

В рамках физических наук, время традиционно фигурирует как критический параметр, предназначенный для количественной характеристики динамики процессов, происходящих во вселенной. Так, время служит инструментом для моделирования эволюции как космических, так и квантово-механических систем. В то же время, философский анализ времени осуществляет своего рода экспансию вопросов, затрагивая темы его субстанциональности, способов перцепции и взаимосвязей временных структур с более глубинными онтологическими слоями бытия.

Синергия данных подходов в рамках исследований конфигураций времени в онтологической плоскости делает возможным обнаружение полифакторной сущности времени, проявляющейся на разноплановых уровнях реальности. Подобное объединение приводит к созданию мультиспектрального взгляда на временные структуры, подробно рассматривая их способность к формированию как физического, так и ментального измерений мироздания, а также анализируя воздействие временных параметров на фундаментальные составляющие бытия.

Нельзя не подчеркнуть, что представления о времени охватывают в себе не ограничивающиеся лишь линейным и циклическим аспектами мерности, но также и вовлекающие внимание к проникновенным в пространственно-временной континуитет онтологически значимым структурам. Данные структуры выявляются через их способность к временной адаптируемости и многомерности, открывая потенциал к пониманию и разрешению численных загадок, стоящих перед фундаментальными научными дисциплинами.

В обобщении, изучение временных конфигураций через призму онтологических измерений выявляет многоуровневую взаимосвязь и взаимовлияние между временем и структурой бытия, обещающая прогресс в осознании и интерпретации мироустройства, на пересечении научных и философских дискурсов.

Список источников

1. Алиева Ч.Э. Феноменология. Э. Гуссерль и М. Хайдеггер [Электронный ресурс] // Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. Вып. 7: материалы научной конференции. URL:<http://anthropology.ru/ru/text/alieva-che/fenomenologiya-egusserl-imhaydegger>
2. Магазов С.С. Замечания о метафорах в работах Хайдеггера "Бытие и время" и "Время и бытие" // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 163 – 173.
3. Дуплинская Ю.М. Онтология бытия-во-времени в полемическом диалоге между западной и русской философией // Межрегиональные Пименовские чтения. 2021. № 18. С. 185 – 191.
4. Рыбакова И.А. Время как особая категория в современной картине бытия // Евразийский союз ученых. 2018. № 8-7 (53). С. 45 – 50.
5. Лавренова О.А. "Пространство в бытии", или Время в культурном ландшафте // Вопросы культурологии. 2009. № 12. С. 28 – 31.
6. Акимов Р.А., Бабаева Д.П. Познание сущности времени и смысл человеческого бытия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 1 (197). С. 4 – 9.
7. Финогентов В.Н. Процессуальность бытия: законы и время // Пространство и время в научной картине мира: Тезисы докладов конференции, Уфа, 01 января – 31 1991 года. Уфа: Башкирский государственный университет, 1991. С. 42 – 46.
8. Флиер А.Я. Культура как пространство и время социального бытия // Культура культуры. 2016. № 3 (11). С. 11.
9. Васильева К.К., Кротова Д.Н. Феномен детства в фокусе общественного бытия и социального времени // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Том Вып. 2. Москва: Федеральное казенное учреждение Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 2020. С. 145 – 151.
10. Вальковская В.П., Молчанов Я.В. Специфика социального времени как одного из атрибутов бытия человека // Вологодские чтения. 2006. № 58. С. 29 – 30.

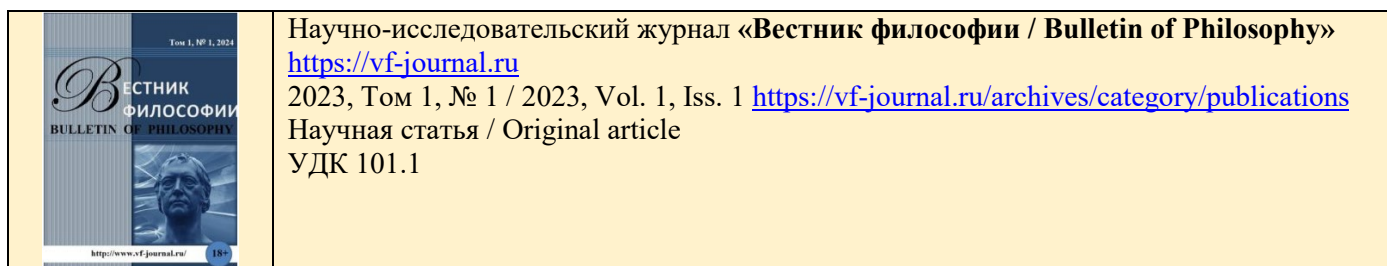
References

1. Alieva C.E. Phenomenology. E. Husserl and M. Heidegger [Electronic resource]. Modern philosophy as a cultural phenomenon: research traditions and innovations. Issue 7: materials of the scientific conference. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/alieva-che/fenomenologiya-egusserl-imhaydegger>
2. Magazov S.S. Remarks on metaphors in Heidegger's works "Being and Time" and "Time and Being". Questions of Philosophy. 2008. No. 12. P. 163 – 173.
3. Duplinskaya Yu.M. Ontology of being-in-time in the polemical dialogue between Western and Russian philosophy. Interregional Pimenov Readings. 2021. No. 18. P. 185 – 191.
4. Rybakova I.A. Time as a special category in the modern picture of being. Eurasian Union of Scientists. 2018. No. 8-7 (53). P. 45 – 50.
5. Lavrenova O.A. "Space in Being", or Time in the Cultural Landscape. Questions of Cultural Studies. 2009. No. 12. P. 28 – 31.
6. Akimov R.A., Babaeva D.P. Cognition of the essence of time and the meaning of human existence. News of higher educational institutions. North Caucasus region. Social sciences. 2018. No. 1 (197). P. 4 – 9.
7. Finogentov V.N. Procedurality of Being: Laws and Time. Space and Time in the Scientific Picture of the World: Abstracts of Conference Papers, Ufa, January 01 – 31, 1991. Ufa: Bashkir State University, 1991. P. 42 – 46.
8. Flier A.Ya. Culture as Space and Time of Social Being. Culture of Culture. 2016. No. 3 (11). P. 11.
9. Vasilyeva K.K., Krotova D.N. The Phenomenon of Childhood in the Focus of Social Being and Social Time. Scientific Works of the Federal Penitentiary Service of Russia. Vol. Issue 2. Moscow: Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, 2020. P. 145 – 151.
10. Valkovskaya V.P., Molchanov Ya.V. Specificity of social time as one of the attributes of human existence. Vologda readings. 2006. No. 58. P. 29 – 30.

Информация об авторе

Донецкий Д.В., Юго-Западный государственный университет

© Донецкий Д.В., 2023

¹ Чжао Шуан,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Воплощение оптимизма в китайской философии

Аннотация: в настоящей статье исследуется отношение китайской культуры к оптимизму и то место, которое оптимизм занимает в китайской философии. Дух оптимизма характерен для традиционной китайской культуры, в которой он находит выражение не только как проявление эмоций, но и как философская установка и жизненная философия. Оптимистичное отношение к жизни отражено в основных китайских системах мышления – конфуцианстве, даосизме и буддизме, которые рассматривают его как определенную стратегию, помогающую преодолевать жизненные трудности и невзгоды. Каждая из этих систем привносит что-то свое в восприятии оптимизма в китайской культуре. Если конфуцианский оптимизм способствует гармонии и развитию как отдельного человека, так и общества, то даосский оптимизм способствует обогащению внутреннего мира человека и сохранению оптимистичного настроения перед лицом жизненных трудностей. В свою очередь учение буддистов о сострадании, просветлении и пути к избавлению от страданий помогает развить оптимистическое отношение к жизни. Не менее важное место оптимизм занимает и в современной китайской философии – многие писатели и мыслители подчеркивают позитивное отношение к жизни и призывают людей смело смотреть в лицо жизненным трудностям.

Ключевые слова: оптимизм, конфуцианство, даосизм, буддизм, современная китайская культура, позитивный настрой

Для цитирования: Чжао Шуан Воплощение оптимизма в китайской философии // Вестник философии. 2023. Том 1. № 1. С. 12 – 21.

Поступила в редакцию: 5 января 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 6 февраля 2023 г.; Принята к публикации: 5 марта 2023 г.

¹ Zhao Shuang

¹ St. Petersburg State University

Embodying optimism in Chinese philosophy

Abstract: this paper explores the attitude of Chinese culture towards optimism and the place that optimism occupies in Chinese philosophy. The spirit of optimism is characteristic of traditional Chinese culture, in which it finds expression not only as a manifestation of emotion, but also as a philosophical attitude and philosophy of life. An optimistic attitude to life is reflected in the major Chinese systems of thought – Confucianism, Taoism and Buddhism – which see it as a certain strategy to help overcome life's difficulties and adversities. Each of these systems brings something different to the perception of optimism in Chinese culture. While Confucian optimism promotes harmony and development of both the individual and society, Taoist optimism helps to enrich the inner world of the individual and maintain an optimistic attitude in the face of life's difficulties. In turn, Buddhist teachings on compassion, enlightenment and the path to freedom from suffering help to develop an optimistic attitude to life. Optimism is no less important in contemporary Chinese philosophy, with many writers and thinkers emphasizing a positive attitude to life and encouraging people to face life's difficulties with courage.

Keywords: optimism, Confucianism, Taoism, Buddhism, modern Chinese culture, positive attitude

For citation: Zhao Shuang Embodying optimism in Chinese philosophy. Bulletin of Philosophy. 2023. 1 (1). P. 12 – 21.

The article was submitted: January 5, 2023; Approved after reviewing: February 6, 2023; Accepted for publication: March 5, 2023.

Введение

В китайской культуре концепция оптимизма наделена глубокими коннотациями, отличающими ее от западной культуры.

В традиционной китайской культуре оптимизм – это не просто выражение эмоций, а философская установка и жизненная философия. Оптимисты склонны верить, что в конечном итоге все будет развиваться в хорошем направлении, и сохраняют позитивный настрой даже перед лицом трудностей и проблем.

Оптимизм как отношение к жизни и моральное качество подчеркивает важность сохранения позитивного, солнечного и жизнерадостного настроения перед лицом жизненных трудностей и вызовов, а также уверенности и надежды на будущее [10]. Это оптимистичное отношение отражено в основных китайских системах мышления, таких как конфуцианство, даосизм и буддизм, и рассматривается как своего рода мудрость и стратегия, позволяющая справляться с жизненными трудностями [9].

Материалы и методы исследований

В ходе исследования были рассмотрены примеры из классических и современных китайских текстов, отражающие представление об оптимизме и отношении к оптимизму различных философских систем и мыслителей. В качестве методов исследования категории оптимизма в китайской философии были применены методы семантического, синтаксического, текстового анализа, культурологического и исторического анализа.

Результаты и обсуждения

В конфуцианстве оптимизм выражается в твердой вере в изначальную доброту человеческой природы и стремлении к нравственному культивированию и самосовершенствованию. Согласно конфуцианству, не смотря на то, что реальная жизнь полна трудностей, люди должны сохранять позитивный настрой, мужественно встречать трудности и реализовывать гармоничное единство личных и общественных ценностей, возделывая себя и свою семью, управляя страной и выравнивая мир.

Конфуцианский оптимизм проявляется в основном в позитивных установках и взглядах на жизнь, общество и природу. Например: «Встретить друга, прибывшего издалека, разве это не радостно?» (有朋自远方来、不亦乐乎?) (Лунь юй 论语) [5]. В этом предложении выражено оптимистическое отношение конфуцианства к межличностным отношениям, т.е. считается счастьем иметь друзей, что отражает идею конфуцианства о важности межличностных отношений и радости от общения друг с другом.

«Благородный муж безмятежен и спокоен, маленький человек постоянно встревожен и обеспокоен» (君子坦荡荡，小人长戚戚) (Лунь юй – Сюэ Эр 论语-学而) [11]. В этом предложении благородный человек, имеющий честный и открытый ум, противопоставлен низкому, который часто бывает печален и беспокоен. Это отражает оптимистичный взгляд конфуцианства на отношение человека к жизни, то есть убеждение, что нужно смотреть на жизнь с открытым сердцем, а не быть слишком узколобым и озабоченным.

«Небо ниспослет человеку великую задачу, но сначала он должен выстрадать свое сердце и разум, изнурить свои кости и мышцы, заморить голодом свое тело и кожу и опустошить свое тело» (天将降大任于斯人也，必先苦其心志，劳其筋骨，饿其体肤，空乏其身) (Мэн Цзы – Гао Цзы Ся 孟子-告子下) [3]. Эта цитата утверждает, что человек может достичь великих целей, только пройдя через тяжелые испытания и невзгоды. Такой позитивный взгляд на трудности и неудачи отражает оптимистическое отношение конфуцианцев к жизненным проблемам.

Подводя итог, можно сказать, что конфуцианский оптимизм проявляется в позитивном отношении и взгляде на жизнь, общество и природу. Этот оптимизм способствует не только росту и развитию личности, но и гармонии и прогрессу общества.

Даосизм, напротив, пропагандирует оптимистичный и непредвзятый взгляд на жизнь с натуралистической точки зрения. Даосы выступают за то, чтобы подчиниться природе и ничего не делать, считая, что хорошие и плохие времена в жизни – это неизбежные результаты работы небес и что к ним нужно относиться

нормально, чтобы понять истинный смысл жизни и обрести внутреннее спокойствие и свободу. Источник даосского оптимизма можно определить несколькими способами.

Во-первых, даосская мысль делает акцент на жизни в гармонии с природой и придерживается образа жизни *у вэй эр чжи* 无为而治 «управлять недеянием (одним примером собственных достоинств руководить народом)». Такой подход к жизни позволяет даосам сохранять спокойное отношение перед лицом неудач и трудностей в жизни и, таким образом, иметь оптимистическое состояние ума. Например, Чжуан-цзы в «Ю цзы инь» 游子吟 («Путешествие в землю обетованную») изображает царство, где «совершенный человек не имеет собственного, божественный человек не имеет заслуг, совершенномудрый человек не имеет имени» (至人无己, 神人无功, 圣人无名) [2]. Эта сфера позволяет даосам сохранять оптимистичный настрой перед лицом различных жизненных проблем, реагируя на них с помощью трансцендентного мышления.

Во-вторых, даосская мысль сосредоточена на внутреннем культивировании и обогащении духовного мира. Даосизм считает, что своего рода духовной свободы и счастья можно достичь, культивируя внутреннее «я» и совершенствуя самопознание. Например, идея Лао-цзы «быть абсолютно спокойным и сохранять мир» (致虚极静, 守静笃) в «Дао дэ цзин» (道德经) [12] требует от человека поддерживать внутри себя состояние пустоты и тишины, чтобы постичь природу вещей и достичь душевного спокойствия и удовлетворения. Этот внутренний мир, наполненный удовлетворением и радостью, также является для даосов важным источником оптимизма.

Кроме того, даосская мысль обладает мудростью диалектического взгляда на вещи. Даосы верят, что у всех вещей есть две стороны, и люди должны смотреть на проблемы с целостной точки зрения. Например, «старик Саи теряет свою лошадь» (塞翁失马) – типичный пример диалектического взгляда даосизма на проблемы [8]. Этот диалектический образ мышления позволяет даосам видеть положительную сторону ситуации, когда они сталкиваются с трудностями, и таким образом сохранять оптимистичный настрой.

Подводя итог, можно сказать, что источники даосского оптимизма в основном включают в себя жизнь в гармонии с природой, сосредоточенность на внутреннем культивировании и обогащении духовного мира, а также мудрость диалектического взгляда на проблемы. Совокупность этих аспектов позволяет даосам сохранять оптимистичный настрой перед лицом жизненных трудностей, чтобы лучше справляться с ними.

Буддисты также включают оптимизм в свою повседневную практику и путь к освобождению. Делая акцент на карме и реинкарнации, буддисты считают, что оптимизм – важное качество для избавления от страданий и достижения духовной свободы. Оптимизм буддистов в основном проистекает из их уникального представления о жизни и о Вселенной, а также из их методов практики. Ниже приведены примеры, указывающие на источники буддийского оптимизма:

1. Буддисты делают акцент на принятии и отпускании, то есть на принятии всего в жизни – как хорошего, так и плохого. Это не пассивное принятие, а активное усилие, направленное на то, чтобы распознать и понять все в жизни. Как только человек осознает, что никакие вещи в жизни не являются постоянными или вечными, он будет меньше привязываться к ним и стремиться к ним, тем самым облегчая

свои внутренние страдания и беспокойство. Такое оптимистичное отношение возникает благодаря глубокому пониманию жизни и принятию ее непостоянства.

2. Буддисты выступают за сострадание и терпимость, то есть любовь и сострадание к другим. Практикуя самосовершенствование и заботясь о других, буддисты способны преодолеть личные страдания и заботы, а значит, увидеть красоту и ценность жизни. Этот оптимизм проистекает из сострадания к другим и понимания ценности жизни.

3. буддисты делают акцент на бескорыстии, то есть на осознании того, что человек не является отдельной личностью, а находится во взаимозависимых отношениях со всеми вещами во Вселенной. Благодаря знанию и пониманию бескорыстия буддисты могут избавиться от привязанности и страсти и таким образом почувствовать себя спокойными и свободными. Этот оптимизм проистекает из уникального понимания Вселенной и свободного стремления к жизни.

4. Буддисты культивируют оптимизм с помощью практики и мудрости. Благодаря медитации, песнопениям и другим практикам буддисты могут очистить свое сердце и повысить уровень мудрости, тем самым признавая красоту и ценность жизни. Оптимистичный настрой возникает благодаря упорству в практике и стремлению к мудрости.

Одним словом, оптимистичный настрой буддистов в основном обусловлен их уникальным пониманием жизни и вселенной, а также методами их практики. Благодаря принятию, состраданию, бескорыстию и практике буддисты способны культивировать оптимистическое отношение и тем самым видеть красоту и ценность жизни. В буддийской литературе можно найти множество примеров выражения оптимизма, отражающих представления буддизма о сострадании, просветлении и пути к освобождению от страданий. Вот несколько примеров литературных цитат:

1. «Счастье следует за трудом, словно тень за телом. Но если вы поворачиваетесь, чтобы увидеть его, оно всегда убегает» (幸福如影随形。但如果你转过身去看它，它总是会跑掉) – Цзинь ган цзин 金刚经 (Алмазная сутра – «Благородная беседа») [6].

2. «Не падайте в яму гнева и обиды, иначе вы никогда не достигнете счастья» (不要陷入愤怒和怨恨的深渊，否则你将永远无法获得幸福) – Синь цзин 心经 (Суджняна – «Сутра сердца») [1].

3. «Добродетель и заслуги принесут благополучие и умиротворение всем существам в каждом воплощении» (行善积德，若有善根，一切众生，生生世世，福乐安稳) – Лэ янь цзин 楞严经 (Дацзя – «Диамантовая сутра») [7].

Эти цитаты демонстрируют оптимистическое видение жизни, которое пронизывает буддийскую литературу. Они призывают к добродетели, состраданию и мудрости как пути к избавлению от страданий и достижению истинного счастья.

Оптимизм также занимает важное место в современной китайской литературе и философии. Многие писатели, философы и мыслители подчеркивают позитивное отношение к жизни и призывают людей смело встречать жизненные испытания.

Ху Ши (胡适), который является важной фигурой в истории современной китайской литературы, находится под глубоким влиянием оптимизма в своих мыслях и концепциях. В своих произведениях он неоднократно выражал свой оптимизм по поводу будущего, полагая, что прогресс человеческого общества неизбежен, хотя в ходе этого процесса будут возникать различные трудности и вызовы.

«Мы должны верить, что сегодняшняя неудача вызвана бездействием в прошлом. Мы должны верить, что сегодняшние усилия, несомненно, принесут большой урожай в будущем» (我们要深信：今日的失败，都由于过去的不努力。我们要深信：今日的努力，必定有将来的大收成) [4].

Это предложение отражает оптимизм и настойчивость Ху Ши перед лицом трудностей. Он призывает людей упорно трудиться, чтобы изменить текущую ситуацию и получить уверенность в завтрашнем дне.

«Чего бояться, если истина бесконечна? Даже каждый пройденный сантиметр приносит свою долю радости» (怕什么真理无穷，进一寸有一寸的欢喜). Это оптимистичное стремление к личной свободе также отражает его оптимистичное отношение к прогрессу общества в целом.

«Бороться за свою собственную свободу – значит бороться за свободу страны!» (争你们个人的自由，便是为国家争自由!) Ху Ши подчеркивает важность личной свободы и считает, что личная и национальная свобода дополняют друг друга. Это оптимистичное стремление к личной свободе также отражает его оптимистичное отношение к прогрессу общества в целом.

Ху Ши называет себя «реалистичным оптимистом» (现实的乐观主义者). Он не только видит трудности и проблемы в реальности, но и полон уверенности в завтрашнем дне. Он верит, что до тех пор, пока люди будут продолжать упорно трудиться, они смогут преодолеть трудности и добиться лучшего будущего. Такое реалистичное оптимистическое отношение придало позитивную силу китайскому обществу того времени.

Фэн Юлань (冯友兰) провел глубокий анализ китайской философии в своей книге «История китайской философии» (《*Чжун го чжэ сюэ ши* 中国哲学史), которая также включала его философский взгляд на оптимизм. Фэн Юлань подчеркивал положительные аспекты жизни, утверждая, что, хотя жизнь полна испытаний, люди обладают способностью преодолевать трудности и осознавать свою значимость благодаря собственным усилиям и мудрости. Фэн Юлань верит, что природа человека добра и у каждого человека добрая натура. «Хотя в природе человека есть добро и зло, каждый может учиться у святых» (人性虽有善恶，但人人可以向圣人学习). Это предложение подразумевает, что человеческая натура может быть улучшена с помощью обучения и упорного труда, что позволяет достичь уровня святого и отражает оптимистическое отношение к пластичности и прогрессу человеческой природы. Этот оптимистичный

взгляд на природу человека заставил его поверить, что люди могут достичь личностного совершенствования и социального прогресса благодаря самосовершенствованию и упорному труду.

Лян Шумин (梁漱溟) – один из важных представителей современной китайской культуры и философии. Свою философию культуры он излагает в работе «Основные принципы китайской культуры» (中国文化的基本原理). Приведем следующие примеры:

Уверенность в завтрашнем дне: «Я верю, что мир становится лучше день ото дня» (我相信世界会一天比一天好). Это предложение напрямую выражает оптимизм Лян Шумина по поводу будущего. Он верит, что мир постоянно прогрессирует, и этот взгляд на прогресс сам по себе является основой оптимизма.

Позитивный настрой перед лицом трудностей: Описывая движение за строительство в сельской местности, Лян Шумин отметил, что даже перед лицом многих трудностей он должен активно находить решения проблем и твердо верить в то, что ситуацию в сельской местности можно улучшить. Этот настрой не бояться трудностей и активно искать решения является воплощением оптимизма.

Оптимистический взгляд на культуру: Обсуждая китайскую культуру, Лян Шумин отметил, что китайская культура содержит глубокую мудрость и ценности. Он с оптимизмом смотрит в будущее китайской культуры и считает, что эти ценности по-прежнему имеют важное направляющее значение для современного общества. Этот оптимистичный взгляд на культурное наследие и развитие также является проявлением оптимизма. Лян Шумин считает, что «культура – это кристаллизация человеческой мудрости и движущая сила непрерывного прогресса и развития человечества» (文化是人类智慧的结晶, 是人类不断进步和发展的动力). Он полон уверенности в будущем человеческой культуры и верит, что люди способны преодолевать различные трудности и достигать социального прогресса и развития благодаря культурному наследию и инновациям. Это оптимистичное отношение к культурному прогрессу отражает его оптимизм.

Выводы

Дух оптимизма характерен для традиционной китайской культуры и занимает существенное место как в традиционной, так и в современной китайской философии. Как мы видим, оптимизм представляет собой своего рода духовный стиль, который помогает человеку чувствовать уверенность в будущем и быть достаточно мужественным, чтобы противостоять вызовам. Оптимизм является своего рода стратегией для преодоления жизненных трудностей и способствует не только росту и развитию личности, но и гармонии и прогрессу общества. Поэтому для понимания китайской культуры и китайского менталитета важно иметь хорошее представление об отношении к оптимизму и восприятию оптимизма в китайской философии.

Список источников

1. 王博医.从《心经》看佛教的"空"观念[J].中国校外教育,2017(15):63-65. Ван Бои. Буддийская концепция «пустоты» из Сутры сердца // Китайское внешкольное образование. 2017. № 15. С. 63 – 65.
2. 文贤庆."论庄子无待逍遥的自由." 中国哲学史 .04(2023):11–17. Вэнь Сяньцин. О свободе Чжуанцзы без ожидания побега // История китайской философии. 2023. № 4. С. 11 – 17. DOI:CNKI:SUN:ZZXS.0.2023-04-002
3. 鄧秉元."《孟子·告子下》讲疏." 新经学 .01(2022):35-75. Дэн Биньюань. Лекции по «Мэн Цзы – Чжуо Цзы Си» // Новая экономика. 2022. № 1. С. 35 – 75. DOI:CNKI:SUN:XJXU.0.2022-01-003
4. 叶新.记胡适的一次毕业演讲[J].文史杂志,2017(03):91-94. Е Синь. Вспоминая выпускную речь Ху Ши // Журнал литературы и истории. 2017. № 3. С. 91 – 94.
5. 任德玲,余萍,季晨辰等. 有朋自远方来, 不亦乐乎? [N]. 马鞍山日报,2023-10-16(006). Жэнь Дэлин, Юй Пин, Ци Чэнчэнь и другие. Встретить друга, прибывшего издалека, разве это не радостно? [N]. Maanshan Daily. 16.10.2023.(006). DOI:10.28557/n.cnki.nmasb.2023.001965
6. 任传印.弘一法师与《金刚经》[J].书屋,2023(01):28–30. Жэнь Чуаньинь. Почтенный Хун И и Алмазная сутра // Книжный дом. 2023. № 1. С. 28 – 30.
7. 凌幸安.论《楞严经》对《老子》诠释的影响[J].西北民族大学学报(哲学社会科学版),2019(06):73-78. Лин Син-Ань. О влиянии «Лама-сутры» на толкование Лаоцзы // Журнал Северо-западного университета национальностей (издание по философии и социальным наукам). 2019. № 6. С. 73 – 78. DOI:10.14084/j.cnki.cn62-1185/c.2019.06.009
8. 良言."塞翁失马." 阅读 .26(2022):52-53. Лян Янь. Старик Саи теряет свою лошадь // Reading. 2022. № 26. С. 52 – 53. DOI:CNKI:SUN:YUED.0.2022-26-027
9. 张晓明.中西心理传统中幸福的比较研究(2009)吉林师范大学学报. Чжан Сяомин. Сравнительное исследование счастья в китайской и западной психологических традициях // Журнал Цзилиньского педагогического университета. 2009. № 6 (149). С. 163 – 166.
10. 袁毓林."汉语词义识解的乐观主义取向一种平衡义程广泛性和义面突出性的策略." 当代语言学 16.04(2014):379-395+500. Юань Юйлинь. Оптимистическая ориентация в восприятии смысла китайского слова — стратегия баланса между экстенсивностью смыслового диапазона и смысловой поверхностной насыщенностью // Современная лингвистика. 2014. № 16 (04). С. 379 – 395+500. DOI:CNKI:SUN:DDYX.0.2014-04-001

11. 杨文浩."《论语》佳句." 下一代 .05(2019):7. Ян Вэньхао. Жемчужины мысли из «Лунь юй» // Следующее поколение. 2019. № 5. С. 7. DOI:CNKI:SUN:XYID.0.2019-05-004
12. 严琪.《老子》之"道"的含义及其翻译研究[J].汉字文化,2021(24):138–139. Янь Ци. Исследование значения слова «Дао» и его перевода в Лаоцзы // Китайская иероглифическая культура. 2021. № 24. С. 138 – 139. DOI:10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2021.24.064

References

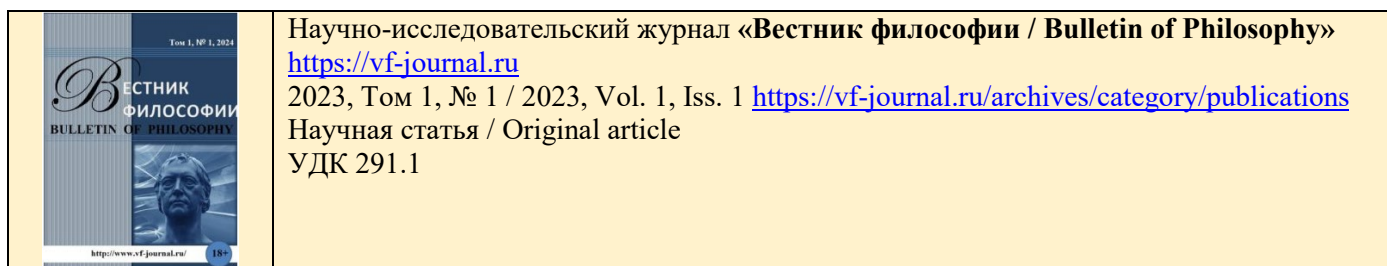
1. 王博医.从《心经》看佛教的"空"观念[J].中国校外教育,2017(15):63-65. Wang Boi. The Buddhist concept of "emptiness" from the Heart Sutra. Chinese out-of-school education. 2017. No. 15. P. 63 – 65.
2. 文贤庆."论庄子无待逍遥的自由." 中国哲学史.04(2023):11–17. Wen Xianqing. On the freedom of Zhuangzi without waiting for escape. History of Chinese philosophy. 2023. No. 4. P. 11 – 17. DOI:CNKI:SUN:ZZXS.0.2023-04-002
3. 鄧秉元."《孟子·告子下》讲疏." 新经学.01(2022):35-75. Deng Bingyuan. Lectures on "Meng Zi – Zhuo Zi Xi". New Economics. 2022. No. 1. P. 35 – 75. DOI:CNKI:SUN:XJXU.0.2022-01-003
4. 叶新.记胡适的一次毕业演讲[J].文史杂志,2017(03):91-94. Ye Xin. Remembering Hu Shi's graduation speech. Journal of Literature and History. 2017. No. 3. P. 91 – 94.
5. 任德玲,余萍,季晨辰等. 有朋自远方来, 不亦乐乎? [N]. 马鞍山日报,2023-10-16(006). Ren Deling, Yu Ping, Ji Chenchen and others. Isn't it joyful to meet a friend who has arrived from afar? [N]. Maanshan Daily. 10/16/2023.(006). DOI:10.28557/n.cnki.nmasb.2023.001965
6. 任传印.弘一法师与《金刚经》[J].书屋,2023(01):28–30. Ren Chuanyin. Venerable Hong Yi and the Diamond Sutra. Book House. 2023. No. 1. P. 28 – 30.
7. 凌幸安.论《楞严经》对《老子》诠释的影响[J].西北民族大学学报(哲学社会科学版),2019(06):73-78. Lin Xing-An. On the influence of the Lama Sutra on the interpretation of Laozi. Journal of the Northwestern University of Nationalities (edition on philosophy and social sciences). 2019. No. 6. P. 73 – 78. DOI:10.14084/j.cnki.cn62-1185/c.2019.06.009
8. 良言."塞翁失马." 阅读.26(2022):52-53. Liang Yan. Old Man Sai loses his horse. Reading. 2022. No. 26. P. 52 – 53. DOI:CNKI:SUN:YUED.0.2022-26-027
9. 张晓明.中西心理传统中幸福的比较研究(2009)吉林师范大学学报. Zhang Xiaoming. Comparative study of happiness in Chinese and Western psychological traditions // Journal of Jilin Normal University. 2009. No. 6 (149). pp. 163 – 166.
10. 袁毓林."当代语言学 16.04(2014):379-395+500. Yuan Yulin. Optimistic orientation in the perception of the meaning of a Chinese word – a strategy of balance between the extensiveness of the semantic range and semantic surface saturation. Modern linguistics. 2014. No. 16 (04). P. 379 – 395+500. DOI:CNKI:SUN:DDYX.0.2014-04-001

11. 杨文浩."《论语》佳句." 下一代.05(2019):7. Yang Wenhao. Pearls of thought from "Lun Yu". The Next Generation. 2019. No. 5. P. 7. DOI:CNKI:SUN:XYID.0.2019-05-004
12. 严琪.《老子》之"道"的含义及其翻译研究[J].汉字文化,2021(24):138–139. Yan Qi. Study of the meaning of the word "Dao" and its translation in Laozi. Chinese hieroglyphic culture. 2021. No. 24. P. 138 – 139. DOI:10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2021.24.064

Информация об авторе

Чжао Шуан, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9, superzs0513@gmail.com

© Чжао Шуан, 2023

¹ Ииутина В.М.,

¹ Юго-Западный государственный университет

Ваххабизм в России: генезис и характерные черты духовного течения

Аннотация: настоящее научное исследование освещает тему развития и характеристик ваххабизма в пределах Российской Федерации, подчеркивая специфику его адаптации в условиях современного многоэтнического и мультирелигиозного пространства. Процесс интеграции данного исламского направления в социокультурный ландшафт России приобретает особенности, актуализируя вопросы взаимодействия глобализаций и локальных традиций. Исследование инициируется экскурсом в исторические реалии возникновения ваххабизма на территории Аравийского полуострова в XVIII столетии и его последующего распространения за пределы исходного географического района.

Автор детально анализирует фундаментальные доктринальные принципы ваххабитского учения, основанные на стремлении к очищению ислама от всяческих инноваций, не находящих подтверждения в Коране и Сунне. Исследование углубляется в аспекты адаптации ваххабитских доктрин к российскому контексту, обращая внимание на основные каналы влияния и механизмы противодействия данному течению в разнообразных регионах страны.

Значительная часть разработки уделяется изучению социально-культурных и политико-географических факторов, которые способствовали проникновению и развитию ваххабизма на российской территории. В этом контексте проанализированы взаимодействия данного направления с другими религиозными движениями и локальной культурной средой, выявлено его влияние на динамику межконфессиональных отношений.

В заключение научной работы представлены обобщения касательно характеристик функционирования и влияния ваххабизма в рамках российского мультиконфессионального общества. Автор акцентирует внимание на полифасетности ваххабизма как религиозного феномена, отмечая его значимость для исламской жизни в России, что требует углубленного изучения и аналитического внимания как со стороны научного сообщества, так и государственных деятелей. Выделена неотложность разработки многоаспектного подхода к ваххабизму, включающего как элементы религиозного образования, так и стратегии сохранения социального порядка и гармонии между различными конфессиональными группами.

Ключевые слова: ваххабизм, генезис, характерные черты, духовное течение, ислам, идеология, мусульманское сообщество, религиозные практики, суннитский ислам, идентичность, культурное взаимодействие, дискурсивный анализ, философская рефлексия

Для цитирования: Ишутина В.М. Аххабизм в России: генезис и характерные черты духовного течения // Вестник философии. 2023. Том 1. № 1. С. 22 – 29.

Поступила в редакцию: 6 января 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 7 февраля 2023 г.; Принята к публикации: 5 марта 2023 г.

¹ *Ishutina V.M.*,

¹ *Southwestern State University*

Wahhabism in Russia: the genesis and characteristics of the spiritual trend

Abstract: this scientific study highlights the topic of the development and characteristics of Wahhabism within the Russian Federation, emphasizing the specifics of its adaptation in the conditions of modern multiethnic and multireligious space. The process of integrating this Islamic trend into the socio-cultural landscape of Russia acquires special features, actualizing the issues of interaction between globalizations and local traditions. The study is initiated by an excursion into the historical realities of the emergence of Wahhabism on the territory of the Arabian Peninsula in the XVIII century and its subsequent spread beyond the original geographical area.

The author analyzes in detail the fundamental doctrinal principles of the Wahhabi doctrine, based on the desire to purify Islam from all kinds of innovations that are not confirmed in the Koran and the Sunnah. The study delves into aspects of the adaptation of Wahhabi doctrines to the Russian context, paying attention to the main channels of influence and mechanisms to counteract this trend in various regions of the country.

A significant part of the development is devoted to the study of socio-cultural and political-geographical factors that contributed to the penetration and development of Wahhabism in the Russian territory. In this context, the interactions of this trend with other religious movements and the local cultural environment are analyzed, and its influence on the dynamics of interfaith relations is revealed.

In conclusion, the scientific work presents generalizations regarding the characteristics of the functioning and influence of Wahhabism within the framework of the Russian multi-confessional society. The author focuses on the diversity of Wahhabism as a religious phenomenon, noting its importance for Islamic life in Russia, which requires in-depth study and analytical attention from both the scientific community and government officials. The urgency of developing a multidimensional approach to Wahhabism, including both elements of religious education and strategies for preserving social order and harmony between various confessional groups, is highlighted.

Keywords: Wahhabism, genesis, characteristics, spiritual trend, Islam, ideology, Muslim community, religious practices, Sunni Islam, identity, cultural interaction, discursive analysis, philosophical reflection

For citation: Ishutina V.M. Wahhabism in Russia: the genesis and characteristics of the spiritual trend. *Bulletin of Philosophy*. 2023. 1 (1). P. 22 – 29.

The article was submitted: January 6, 2023; Approved after reviewing: February 7, 2023; Accepted for publication: March 5, 2023.

Введение

Масштабный аналитический обзор, охватывающий религиозные доктрины и течения, выделяет их ключевую роль и воздействие на структуру культурно-политических и социальных организаций стран, в том числе Российской Федерации [1, с. 99]. В условиях преобладания идеологического разнообразия, значимость религиозного измерения прогрессивно возрастает, влияя на социум и индивидуальные бытия. Примечательно, что динамика развития религиозного поля демонстрирует тенденцию к расширению и продолжительному эволюционному процессу, что является позитивным аспектом. Вместе с тем, необходимо осознавать возможные отрицательные последствия этого процесса.

В числе религиозных феноменов особого внимания заслуживает ваххабизм, который в современном научном диалоге представлен как дискуссионно значимый объект [2, с. 166]. Исследовательские подходы к его оценке представляют собой широкий спектр мнений, где одни источники ассоциируют его с экстремистской и террористической активностью, в то время как другие работы приходят к радикально иным заключениям, опровергая либо минимизируя такие связи [3, с. 225].

Актуальность аналитического рассмотрения ваххабизма и его влияния на социально-политическую сферу в России неоспорима. Важно глубоко исследовать сущность этого явления, проанализировать идеологические, социальные атрибуты, дабы определить его фактическое воздействие на обстановку в РФ. Следует применить многогранный подход, основанный на критическом осмыслении существующих научных работ, изучении социологических и статистических данных, чтобы изобразить не только нынешнюю картину, но и выявить потенциальные риски и возможности, которые ваххабизм может внести в российское общественное пространство.

Исследование должно уделить особое внимание как прямым, так и косвенным проявлениям воздействия данного религиозного направления на социально-политическую жизнь страны, идентифицируя связанные с ним вызовы и угрозы. Только комплексный анализ позволит сформировать обоснованные предложения по стратегиям и механизмам взаимодействия государственных и общественных структур с религиозными движениями, направленными на обеспечение социальной стабильности и безопасности.

Материалы и методы исследований

В центре данного исследования лежат методологические подходы дискурсивного анализа и сравнительного изучения, которые через призму философской рефлексии способствуют выявлению ключевых характеристик разнообразных теоретических подходов к концепции ваххабизма. Эти методы обеспечивают глубокое понимание идейных основ и позволяют отделить существенные атрибуты ваххабизма от маргиналь-

ных. Дополнительно применение синтетического метода дало возможность сформировать инновационную перспективу на изучаемую категорию, предлагая оригинальную интерпретацию ваххабизма, отражающую его многоаспектность и динамику развития в современном мире.

Результаты и обсуждения

Сегодняшняя религиозная картина ислама охватывает широкий спектр течений и направлений, среди которых преобладают сунниты, шииты, хариджиты, а также многочисленные другие группы, включая ахмадийцев и друзов. Сунниты составляют основную часть мусульманского сообщества, достигая приблизительно 85% от общего числа верующих и являясь ведущим направлением в большинстве стран с преобладающим исламским населением, охватывая географически расширенные регионы от Ближнего Востока до Центральной Азии [4, с. 292].

Суннитская традиция предусматривает приверженность к одной из четырех признанных юридических школ (мазхабов): маликитской, ханифитской, шафиитской и ханбалистской, каждая из которых имеет свои особенности в толковании религиозных текстов и уровень консерватизма [5, с. 54].

Из традиции ханбалистского мазхаба проистекает салафизм, направление, которое выделяет за собой призыв к подражанию образу жизни пророка Мухаммада, его сподвижников и поколений первых мусульман. Вклад Ибн Теймийи в идеологические устои салафизма оказался значительным, предоставив структурный фундамент для последующих интерпретаций. Ваххабизм, основанный на принципах салафизма Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом в середине XVIII века, отказывался от ряд традиционных для ислама положений, стремясь к «чистоте» веры, и уже на заре своего существования выразил себя как движение с политическими амбициями [6, с. 112].

Исторически ваххабизм сформировался на фоне освободительной борьбы арабов против османского владычества, что изначально предполагало его тесную связь с политическим дискурсом того времени. Это движение активно заявило о себе на политической арене, например, через акции С.А. Барелви в Индии, который возвестил джихад против колониального режима, ведя к формированию независимой власти в Пешаваре. Подобная активность распространена и за пределами Индии, где ваххабитские учения поддерживали антиколониальную борьбу в ряде регионов, включая Индонезию и Суматру против голландского колониализма, а также в Ливии и Судане [7, с. 68].

Современное направление среди салафитов демонстрирует стремление к отказу от строгого следования учениям одиночных мазхабов в пользу адаптации и принятия тех положений, которые наиболее точно отражают дух Корана и Сунны. Это движение к созданию своеобразного «суперсуннитизма», представляющего собой усилия по синтезу различных правовых традиций ислама, показывает глубокую динамическую эволюцию в рамках современного исламского мироощущения [8, с. 135].

В рамках данной научной работы выполнен тщательный анализ структурных основ, специфических черт и проявлений ваххабизма, особенно примечателен в контексте его адаптации и распространения в пределах Российской Федерации. Исследование сфокусировано на детальном рассмотрении идейного и доктриналь-

ного ядра данного направления, выявлении ключевых отличий ваххабизма от остальных исламских течений с точки зрения его теологии и идеологии.

Основные догматы ислама, включая ат-таухид (веру в единство Аллаха), ал-адл (божественную справедливость), нубувва (пророчество), ал-маад (веру в судный день) и понятие имамата или халифата, рассматриваются в контексте уникального толкования этих принципов ваххабизмом. Дополнительно анализируется стремление к неукоснительному соблюдению таухида, отрицание бид'а (нововведений), критика таклида (слепого следования) и идеализация восприятия ислама первыми мусульманскими общинами без иносказательности в интерпретации атрибутов Аллаха [9, с. 852].

Главную цель ваххабизма – это стремление очистить ислам от внедренных элементов, связанных с разнообразием культурных и этнических традиций, которые, по мнению ваххабитов, искажают первоначальную суть вероучения. В частности, акцентируется неприятие ваххабитами суфизма и проповедь «истинного ислама», существовавшего в период жизни пророка Мухаммада и первых поколений мусульман [10, с. 131].

Выявлено отсутствие унифицированной теологической базы, охватывающей постулаты и направления ваххабизма в целом, что затрудняет формирование единого восприятия данного течения. На основе критического осмысления литературных источников ваххабизма и салафизма указывается на многообразие подходов к достижению целей, простирающихся от радикализма до призывов к диалогу.

Заключительные акценты научного обзора проливают свет на принципиальное понимание ваххабизма, не только как на религиозно-политическое, но и как на идеологически оформленное движение с амбицией структурирования общественных отношений на религиозной основе. Вариативность стратегий среди представителей данного направления свидетельствует о наличии внутри идеологического многообразия при взгляде на способы реализации общих целей – от мирных форм взаимодействия до применения силовых методов.

В настоящее время в России наблюдается возрастание влияния и значимости религиозных доктрин и течений, включая ислам, а также его ваххабистские и салафистские направления, на социокультурную и политическую арену. Повышенный интерес к религиозной сфере жизни общества и активное развитие внутривероучительной ситуации подчеркивают необходимость в комплексном и глубоком осмыслении указанных течений. Отмечается, что отсутствие достаточного количества глубинных исследований по проблематике ислама, ваххабизма и салафизма на государственном уровне приводит к сложностям в осмыслении внутриконфессиональной динамики, что влечет за собой трудности в процессе решения межрелигиозных споров и предотвращения конфликтов.

Позиция государственных институтов сталкивается с вызовом в лице выраженных религиозных идеологий, периодически трансформируясь в инструментарий для религиозных лидеров и идеологов, стремящихся к использованию государственного ресурса для достижения собственных амбиций. Попытки распространения радикальных форм исламского вероучения через ваххабизм и салафизм, включая мирный пиар идеи о строительстве государства на основе шариатских законов, не прекращаются, хотя и не наблюдается их массового усвоения среди мусульманского населения.

Вопрос о допустимости изменений в конституционном устройстве Российской Федерации на религиозной основе с использованием законных механизмов требует углубленного научного изучения. Стремление религиозных фигур к налаживанию диалога с государством или оказанию воздействия на него коррелирует с текущими политическими и идеологическими обстоятельствами.

Текущий этап в истории России характеризуется рядом значимых идеологических и политических проблем: от потребности государственной машины в идейной поддержке до проблемы общественного и религиозного раскола. Процесс рефлексии исторического пути страны и обсуждение концептуальных основ национальной идентичности активно формируют современный общественный диалог.

Необходимо, чтобы государственная политика в сфере религии опиралась на глубокие знания и понимание динамических религиозных процессов. Это станет основой для предотвращения попыток эксплуатации религиозного фактора в узких политических интересах и позволит обеспечить продуктивное взаимодействие с религиозными организациями, что будет способствовать укреплению социального единства и общественной стабильности.

Выводы

Подводя итог, исследование данной тематики открывает перспективу для формирования обоснованных выводов касательно роли и воздействия ваххабизма на религиозную и социокультурную сферу в современной России. Детальный анализ исторических аспектов появления ваххабизма и рассмотрение его ключевых доктринальных основ обусловили акцентирование внимания на аспектах стремления к исконности ислама, принципе неприемлемости инноваций и необходимости строгого следования установлениям Корана и Сунны.

Аспект распространения ваххабизма в РФ подчеркивает ценность понимания сложности и изменчивости процессов внутри мусульманского сообщества и подчеркивает потребность в глубоком академическом анализе взаимодействий между государством, социумом и религиозными направлениями. При этом замечено, что недостаточный объем научно-аналитических работ, освещающих данную тематику, служит препятствием для объективного восприятия и эффективного разрешения вопросов, включая те, что касаются межрелигиозного диалога и обеспечения национальной безопасности.

Существенным является осознание, что ваххабизм в российских условиях представляет собой не исключительно религиозно-политическую силу, но и культурно-идеологическое явление, что требует всестороннего и многоуровневого подхода к его исследованию и взаимодействию с ним. В свете глобализационных процессов и активного культурного обмена, глубокое понимание уникальности ваххабизма, его идеологических предпосылок и социо-политических последствий обретает решающее значение в рамках формирования действенной государственной стратегии в религиозной сфере и в сфере межконфессиональных связей, направленной на поддержку социального мира и гармонии в многонациональном российском обществе.

Список источников

1. Горбачев С.Б. Идеологические основания ваххабизма и угроза его распространения в России // Коренные народы современной России: этноязыковые, правовые, социокультурные и духовные проблемы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной объявленному ООН в 2019 году Международному году языков коренных народов, Уфа, 26 апреля 2019 года. Уфа: Башкирский государственный университет, 2019. С. 96 – 99.
2. Силантьев Р.А. Распространение ваххабизма в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16 (154). С. 165 – 171.
3. Волосатов П.В. Ваххабизм в России в трудах отечественных исследователей // XLIX Огарёвские чтения : материалы научной конференции: в 3 ч. Саранск, 07-13 декабря 2020 года. Том Ч. 3. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2021. С. 225 – 232.
4. Джармокова Ж.А. Религия и политический процесс: аспекты трансформации религиозной сферы республик Северного Кавказа // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 3. С. 292 – 295
5. Муталимов А.Э. Роль ислама в социальной интеграции общества // Власть. 2003. № 2. С. 54 – 59.
6. Мартыненко А.В. Салафиты в постсоветской России: история распространения, деструктивный потенциал // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-3 (30). С. 112 – 114.
7. Постнов А.В. Религиозно-политический феномен салафий: основные тенденции развития // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 127. С. 68 – 74.
8. Рахматуллина З.Н. Духовный наставник своего народа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-1 (69). С. 134 – 137.
9. Албогачиева М.С.Г. Причины и последствия радикализации ингушского общества // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 7 (33). С. 852 – 865.
10. Султанахмедова З.Г. Традиционный ислам на Северном Кавказе // Kant. 2018. № 1 (26). С. 131 – 135.

References

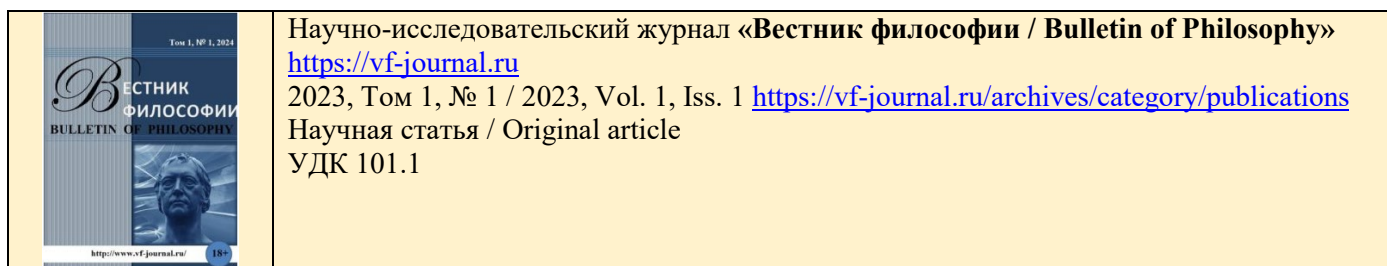
1. Gorbachev S.B. Ideological foundations of Wahhabism and the threat of its spread in Russia. Indigenous peoples of modern Russia: ethnolinguistic, legal, socio-cultural and spiritual problems: materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the International Year of Indigenous Languages declared by the UN in 2019, Ufa, April 26, 2019. Ufa: Bashkir State University, 2019. P. 96 – 99.
2. Silantyev R.A. Spread of Wahhabism in modern Russia. Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2009. No. 16 (154). P. 165 – 171.

3. Volosatov P.V. Wahhabism in Russia in the Works of Domestic Researchers. XLIX Ogarev Readings: Proceedings of the Scientific Conference: in 3 parts. Saransk, December 7-13, 2020. Vol. Part 3. Saransk: National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, 2021. P. 225 – 232.
4. Dzharmokova Zh.A. Religion and the Political Process: Aspects of the Transformation of the Religious Sphere of the Republics of the North Caucasus. Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University. 2012. No. 3. P. 292 – 295
5. Mutalimov A.E. The Role of Islam in the Social Integration of Society. Power. 2003. No. 2. P. 54 – 59.
6. Martynenko A.V. Salafis in post-Soviet Russia: history of spread, destructive potential. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theoretical and practical issues. 2013. No. 4-3 (30). P. 112 – 114.
7. Postnov A.V. Religious and political phenomenon of Salafiyya: main development trends. Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia. 2011. No. 127. P. 68 – 74.
8. Rakhmatullina Z.N. Spiritual mentor of his people. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theoretical and practical issues. 2016. No. 7-1 (69). P. 134 – 137.
9. Albogachieva M.S.G. Causes and consequences of the radicalization of the Ingush society. The power of history and the history of power. 2021. Vol. 7. No. 7 (33). P. 852 – 865.
10. Sultanakhmedova Z.G. Traditional Islam in the North Caucasus. Kant. 2018. No. 1 (26). P. 131 – 135.

Информация об авторе

Ишутина В.М., Юго-Западный государственный университет

© Ишутина В.М., 2023

¹ Чжао Шуан

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Источники оптимизма в китайском языке и культуре

Аннотация: данная статья посвящена исследованию концепции оптимизма в китайском языке и культуре через призму языковой картины мира. Оптимистическое отношение к жизни и позитивный настрой были присущи китайской цивилизации на всем протяжении ее истории не только как личные качества отдельно взятого человека, но и как общественная мода и культурная традиция. В настоящей статье рассматривается определение понятия оптимизма и раскрывается понимание концепции оптимизма в контексте китайской классической культуры. В процессе исследования приводятся примеры из классических текстов, показывающие эволюцию понятия оптимизма на протяжении всей истории Китая. При этом они позволяют нам увидеть, как оптимизм, основные ценности которого остаются неизменными, становится неотъемлемой частью китайской идентичности и культуры. Развитие концепта оптимизма отражает изменения в обществе, в то же время мы можем наблюдать, насколько глубоко оптимизм проникает во все сферы китайской культуры, включая язык, литературу, философию и повседневную жизнь. Результаты проведенного исследования позволят расширить понимание культурных особенностей китайской лингвокультуры и ее отношения к оптимизму, а также обогатят теоретическую базу лингвистики и культурологии.

Ключевые слова: оптимизм, китайский язык, китайская культура, картина мира, китайская лингвокультура, культурология

Для цитирования: Чжао Шуан Источники оптимизма в китайском языке и культуре // Вестник философии. 2023. Том 1. № 1. С. 30 – 42.

Поступила в редакцию: 8 января 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 7 февраля 2023 г.; Принята к публикации: 5 марта 2023 г.

¹ Zhao Shuang,
¹ St. Petersburg State University

Sources of optimism in the Chinese language and culture

Abstract: the article is devoted to the study of the concept of optimism in the Chinese language and culture through the prism of the linguistic picture of the world. Optimistic attitude to life and positive attitude have been inherent in Chinese civilisation throughout its history not only as personal qualities of an individual, but also as a social fashion and cultural tradition. This paper examines the definition of optimism and reveals an understanding of the concept of optimism in the context of Chinese classical culture. In the process, examples from classical texts are presented to show the evolution of the concept of optimism throughout Chinese history. Thus, they allow us to see how optimism, whose core values remain unchanged, becomes an integral part of Chinese identity and culture. The development of the concept of optimism reflects changes in society, while at the same time we can observe how deeply optimism penetrates into all areas of Chinese culture, including language, literature, philosophy and everyday life. The results of this study will broaden the understanding of the cultural characteristics of Chinese linguaculture and its attitude towards optimism, and enrich the theoretical basis of linguistics and cultural studies.

Keywords: optimism, the Chinese language, Chinese culture, worldview, Chinese linguaculture, cultural studies

For citation: Zhao Shuang Sources of optimism in the Chinese language and culture. *Bulletin of Philosophy*. 2023. 1 (1). P. 30 – 42.

The article was submitted: January 8, 2023; Approved after reviewing: February 7, 2023; Accepted for publication: March 5, 2023.

Введение

Китай является древней цивилизацией с пяти тысячелетней историей, язык и культура которой не только несут в себе богатое историческое наследие, но и содержат глубокий гуманистический дух и ценности. Среди этих драгоценных духовных богатств оптимистическое отношение к жизни как позитивное отношение к жизни имеет уникальное воплощение и глубокий смысл в китайском языке и культуре. Объектом исследования является языковая картина мира в китайской культуре. Целью исследования является анализ концепции оптимизма в китайской лингвокультуре с использованием методов лингвистического и культурологического анализа.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования служат примеры текстов китайской литературы различных жанров из различных периодов китайской истории, содержащие выражения оптимизма. Для анализа лингвистической

репрезентации категории оптимизма используются методы семантического, синтаксического и текстового анализа, культурологического и исторического анализа, а также компаративный метод.

Результаты и обсуждения

Картина мира – это отражение окружающего мира в голове человека. Она формируется в процессе социализации человека, и поэтому несет в себе национально-культурный отпечаток. Введение в концепцию языковой картины мира открывает перед нами увлекательный мир, в котором язык выступает не только как инструмент коммуникации, но и как ключ к пониманию окружающей действительности. Как отмечает Марк Джонсон, языковая картина мира представляет собой набор концепций, которые организуют наш опыт и понимание окружающей действительности через язык [16]. Он подчеркивает, что наше понимание мира и формирование значений тесно связаны с нашими языковыми конструкциями и представлениями. Это подчеркивает важность изучения концепции языковой картины мира для полноценного понимания того, как язык взаимодействует с нашим мышлением и восприятием.

Кроме того, введение в концепцию языковой картины мира является ключевым шагом в понимании того, как язык отражает и формирует наше восприятие мира. Согласно этой концепции, языковая картина мира представляет собой набор концепций, которые люди используют для организации своего опыта и понимания окружающей действительности через язык. Одним из основополагающих аспектов концепции языковой картины мира является представление о том, что язык не просто отражает мир, но и активно формирует наше восприятие реальности. Как отмечает Ли Уорф, «Мы расчленяем природу по линиям, заложенным в наших родных языках. Категории и типы, которые мы выделяем из мира явлений, мы находим там не потому, что они бросаются в глаза каждому наблюдателю; напротив, мир предстает перед нами в калейдоскопическом потоке впечатлений, которые должны быть организованы нашим сознанием – а это значит, что в значительной степени языковыми системами в нашем сознании» [19]. Таким образом, способ, которым мы описываем мир с помощью языка, влияет на наше мышление и восприятие окружающего нас мира. Согласно Уорфу, каждый язык обладает своей уникальной системой категорий и выражений, которые определяют, как мы интерпретируем и описываем окружающую действительность.

Таким образом, разные языки могут представлять одни и те же явления по-разному, что влияет на наше понимание и восприятие мира. Например, идиома 雨后春笋 (юй хоу чунь сунь) используется в китайском языке для метафорического описания быстрого и массового появления чего-либо. Буквальный перевод на русский будет звучать как «молодой бамбук после дождя». Однако в русском языке для описания быстрого появления большого количества вещей используется фразеологизм «как грибы после дождя». Таким образом, мы видим, что различные языки по-разному описывают и интерпретируют одни и те же явления.

Важно отметить, что языковая картина мира не ограничивается лексическими и грамматическими особенностями языка. Она также включает в себя культурные и социальные аспекты, которые формируются в процессе общения и взаимодействия членов общества. Культурные ценности, нормы и установки отража-

ются в языковых структурах и выражениях, определяя тем самым языковую картину мира данного общества.

Концепция языковой картины мира, представленная в работах таких выдающихся лингвистов, как Джордж Лакофф, Роналд Лангакер и другие, тоже играет ключевую роль в понимании взаимосвязи между языком, мышлением и культурой. Согласно этой концепции, языковая картина мира представляет собой уникальное представление о мире, которое формируется и отражается через язык.

В своей книге «Метафоры, которыми мы живем» (Metaphors We Live By) Джордж Лакофф и Марк Джонсон обращают внимание на то, что метафора является неотъемлемой частью нашей повседневной жизни и не ограничивается лишь языком, но проникает в наше мышление и нашу деятельность. [6].

Роналд Лангакер в своей работе «Основы когнитивной грамматики» (Foundations of Cognitive Grammar) также подчеркивает, что язык является отражением структуры опыта, который непосредственно воспринимается, чувствуется и осмысливается [17].

Исходя из этих работ, можно утверждать, что концепция языковой картины мира является ключевым аспектом в исследовании взаимосвязи между языком, мышлением и культурой. Это понимание имеет большое значение для анализа культурного оптимизма в языковой картине мира, особенно в контексте китайской лингвокультуры.

Одной из ключевых черт китайской культуры является ее многовековая история, которая оказывает глубокое влияние на сознание и язык китайского народа. Как отмечает Джонсон, языковая картина мира не только отражает, но и формирует наше восприятие реальности, история и культура играют ключевую роль в этом процессе [16].

Одной из ключевых особенностей китайской культуры является глубокое уважение к традициям и духовным ценностям. Как отмечают Сепир и Уорф, язык формирует и отражает культурные ценности и установки общества [7]. В контексте китайской культуры это означает, что многие аспекты китайской жизни, от семейных отношений до социальных обязанностей, находят свое выражение и воплощение в языке.

Изучение оптимизма в китайской культуре через языковую картину мира открывает перед нами богатый лингвистический ландшафт, в котором каждое слово, каждое выражение несет в себе глубокий смысл и историю. В китайском языке существует множество идиоматических выражений, которые служат не только средством общения, но и отражают культурные нормы и ценности. К примеру, выражение 大展宏图 (да чжань хун ту) буквально переводится как «раскрыть великие планы», но его истинный смысл уходит глубже, отражая амбиции и стремление к успеху. Это выражение может использоваться как в повседневном общении, так и в более формальных контекстах, и каждый раз оно напоминает о присущем китайской культуре оптимизме и вере в собственные силы.

Оптимизм, выражаемый в китайском языке понятием *лэ гуань* 乐观, представляет собой важное культурное понятие, которое описывает позитивное отношение к жизни, окружающему миру и будущему. В контексте китайской культуры понятие оптимизма охватывает широкий спектр значений, включая веру в благополучное разрешение ситуаций, уверенность в своих силах и способностях, а также надежду на бу-

душее. Термин 乐观 состоит из двух иероглифов: 乐 (лэ), что означает радость или счастье, и 观 (гуань), который может быть интерпретирован как точка зрения или отношение. Вместе эти два иероглифа складываются в понятие, которое обозначает позитивное видение мира и событий [15].

Оптимизм, как позитивное отношение и психологическое состояние, имеет богатую коннотацию в традиционной китайской культуре. В огромном потоке литературы на китайском языке концепт *лэ гуань* 乐观 оптимизм сияет уникальным образом. Это не только человеческое отношение, но и ценностная ориентация, глубоко укоренившаяся в традиционной культуре.

Словарь по психологии определяет оптимизм как «состояние души или озабоченность, субъективно сформированная позитивным отношением человека к людям, событиям и вещам, которая делает его или ее счастливым и уверенным в будущем» [8]. Китайский философ Хэ Линь подчеркивает, что оптимизм и пессимизм представляют собой два разных отношения к людям, и его мнение глубоко отражает коннотацию оптимизма в китайской культуре [10]. Китайские ученые Жэнь Цзюнь и Е Хаошэн считают оптимизм одной из трех важнейших позитивных черт личности, утверждая, что оптимизм – это позитивное отношение человека к собственному внешнему поведению и объективным вещам, которые существуют вокруг него [4].

Определение оптимизма, предложенное американским антропологом Лайонелом Тайгером, представляет собой концепцию, более всесторонне отражающую позитивное отношение к различным аспектам жизни. В своей любопытной книге «Оптимизм: Биология надежды» (Optimism: The Biology of Hope) Тайгер утверждает, что человеческий вид был отобран в процессе эволюции благодаря своим оптимистичным иллюзиям относительно реальности. «Благодаря чему еще смог эволюционировать вид, который сажал семена в апреле и ждал, терпя засуху и голод, до октября» [18]. Согласно его интерпретации, оптимизм характеризуется как позитивная оценка людей, событий, предметов и их перспектив, сопровождаемая приятными эмоциями. Это определение подчеркивает важность не только самого позитивного отношения, но и его влияния на эмоциональное состояние человека и его восприятие мира в целом. Позитивные эмоции, связанные с оптимизмом, могут стать мощным источником внутренней мотивации и укрепления психологического благополучия.

Доктор Тал Бен-Шахар, американский специалист по позитивной психологии, в своей книге «Стратегия счастья» подчеркивает, что, «хотя позитивная психология – это школа психологии, возникшая на Западе в конце прошлого – начале нынешнего века, некоторые из основных идей позитивной психологии зародились в философском мышлении традиционной китайской культуры» [14]. В китайской культуре оптимизм традиционно рассматривается как важная духовная черта, способствующая преодолению трудностей и достижению успеха. Он также отражает философию гармонии и баланса, которая пронизывает китайскую ментальность. Концепция *лэ гуань* 乐观 активно воплощается в китайской литературе, искусстве и повседневной жизни, оказывая значительное влияние на поведение и мышление китайского народа.

Важно отметить, что термин *лэ гуань* 乐观 в китайском языке имеет глубокие корни в культуре и философии. В классических текстах древнекитайской литературы, таких как «Дао Дэ Цзин» (道德经) и «И Цзин» (易经), обсуждается значение равновесия и гармонии, которые являются ключевыми элементами оптимизма в китайской ментальности. Например, в «Дао Дэ Цзин» говорится: «Познавший других – мудр // Познавший себя – просветлен» (知人者, 圣人也。知己知彼, 百战不殆) [3]. Эта цитата подчеркивает значение внутреннего понимания и гармонии с самим собой, что является важным аспектом китайского оптимизма.

В «И Цзин» (易经) также содержится идея *лэ тьянь чжи мин* 乐天知命 (быть довольным своей судьбой и знать волю неба) [12], которая подчеркивает, что люди должны следовать воле неба и позитивно встречать всевозможные изменения в своей жизни. Кроме того, в конфуцианской классике, такой как «Лунь юй» (论语), нет недостатка в учениях об оптимизме и позитивном отношении, например: «Учиться и время от времени повторять изученное, разве это не приятно?» (学而时习之, 不亦说乎?) [5] Эти классические тексты не только теоретически обосновывают оптимизм, но и закладывают основу для его наследования и развития на протяжении долгой истории.

С течением времени оптимизм постепенно проникает во все аспекты общественной жизни китайской культуры. В традиционных китайских картинах, стихах, операх и других видах искусства оптимистические образы и темы встречаются повсеместно. Например, рыбаки и дровосеки на пейзажных картинах часто появляются в неторопливой и идеалистической манере, означающей стремление древних людей к оптимистической жизни, а в поэзии поэты и художники часто встречают жизненные взлеты и падения с оптимистическим настроением, выражая свои чувства и передавая оптимистическое духовное мировоззрение через свои стихи.

В многовековой истории древнего Китая есть множество упоминаний о людях, которые продемонстрировали очарование и ценность оптимизма. Например, Хоу И (后羿), герой, выстреливший в солнце, птичка Цзинвэй (精卫), которая «засыпает море» (精卫填海) (птичка Цзинвэй засыпает море (精卫填海)). «Шаньхай цзин» («Каталог Гор и Морей»). Китайские пословицы и поговорки, а также Юйгун (愚公) в истории о том, как Юйгун убрал гору, – все они, благодаря своим твердым убеждениям и неустанным усилиям, смогли добиться успеха. Все они воплощали дух оптимизма, твердого убеждения и неустанных усилий. Эти аллюзии не только обогащают китайские мифы, легенды и исторические предания, но и служат примером для будущих поколений, на котором можно учиться и которому можно подражать.

В традиционной китайской культуре оптимизм также отражается в восприятии природы и отношении к ней. Древние китайцы умели черпать мудрость из явлений природы, понимать и приспособливаться к ее законам и изменениям с оптимистическим настроением. Примеры использования понятия *лэ гуань* 乐观 можно найти и в китайской поэзии, которая считается одной из самых изысканных форм искусства в китайской

культуре. В поэзии оптимизм проявляется через изображение красоты природы, гармонии и внутреннего мира человека. Например, поэты танского периода, такие как Ли Бай (李白) и Ду Фу (杜甫), часто используют образы природы и эмоциональные переживания, чтобы выразить свое оптимистическое видение мира.

С течением времени значение и использование термина *лэ гуань* 乐观 в китайском языке продолжало развиваться и изменяться в соответствии с изменяющимися обстоятельствами и культурными тенденциями. В современном китайском обществе оптимизм часто ассоциируется с позитивным мышлением, стремлением к успеху и верой в будущее. Таким образом, эволюция понятия оптимизма в китайском языке и литературе отражает богатство и разнообразие китайской культуры, а его значимость остается актуальной и в настоящее время, вдохновляя людей на позитивный взгляд на жизнь и окружающий мир.

Эволюция понятия «оптимизм» (乐观) в китайском языке и культуре является сложным и многообразным процессом, продолжающимся в течение тысячелетий.

Расцвет и упадок династии Ся: Установление династии Ся, первой наследственной династии в истории Китая, ознаменовало вступление Китая в бронзовый век. Упадок династии Ся, особенно жестокость и безнравственность последнего монарха Цзе, были сведены на нет Шан Таном и послужили богатым материалом для последующих литературных произведений. Эти работы часто изображают расцвет и падение династии Ся, выражая глубокие размышления о ходе истории и вселяя надежду и оптимизм в будущее.

Во времена династии Шан индустрия изготовления бронзы вступила в период расцвета, а социальная экономика быстро развивалась. Однако непристойность и безнравственность последнего монарха, царя Чжоу, вызвавшие недовольство принцев, привели к упадку династии Шан, которая в конечном итоге была уничтожена чжоуским царем У. Литературные произведения этого периода, такие как «Ода Шангу» (商颂) в «Шицзин» («Книга песен», 诗经), не только отражают социальный стиль династии Шан, но и выражают озабоченность подъемом и падением страны и оптимистические ожидания в отношении будущего: «Инь справедливо приняла от неба свой дом: // Милости неба безмерные будут на нем!» (перевод А.А. Штукина) (殷受命咸宜, 百禄是何) [13].

Важными периодами в истории Китая являются Западное Чжоу и Восточное Чжоу. Литературные произведения этих двух периодов, такие как «Книга стихов» и «Биография Цзо», не только описывают общественную жизнь и исторические события того времени, но и выражают чувства авторов по поводу происходившего в Китае и оптимистичные взгляды на будущее. В этот период конфуцианство играло ключевую роль, подчеркивая стабильность судьбы и непреложность ее законов. Как отмечается в «Сюньцзы» (荀子), «Движение неба обладает постоянством. [Это постоянство] существует не благодаря Яо и не умирает из-за Цзе (последнего правителя дома Ся)» (перевод В.В. Феоктистова) (天行有常, 不为尧存, 不为桀亡) [9]. Это понимание судьбы подчеркивало неизменность ее законов вне зависимости от действий людей и давало макроперспективу, позволяя видеть постоянство силы, поддерживающей убеждения и сохраняющей оптимистический настрой даже перед лицом жизненных трудностей. Таким образом, в период до династии

Цинь проявлялся культурный оптимизм, базирующийся на вере в неизменность законов судьбы и стабильности Вселенной, что поддерживало в китайском народе жизненный настрой и уверенность в будущем.

Начиная с периода, предшествовавшего династии Цинь, можно заметить яркое проявление культурного оптимизма, отраженного в различных аспектах китайской жизни.

В эпоху династии Цин (秦朝), которая правила с 221 по 206 годы до нашей эры, концепция оптимизма *лэ гуань* 乐观 в китайской культуре развивалась в контексте философии и идеологии этого времени. В то время как династия Цин была известна своими строгими и централизованными правилами, включая юридические и административные инновации, которые в значительной степени способствовали единству страны, она также внесла свой вклад в культурное мышление.

Китайские философы того времени, такие как Ли Си (李斯) и Шан Ян (商鞅), активно продвигали идеи организации общества в соответствии с природными законами и рациональным управлением. В их работах утверждалось, что оптимизм может быть достигнут через строгие законы и наказания, которые стимулируют граждан к соблюдению правил, что в свою очередь приведет к порядку и процветанию [2].

Однако в то же время в китайской культуре существовали и более традиционные представления об оптимизме, основанные на концепции гармонии с природой и космосом. Эти представления включали в себя учение даосизма и конфуцианства, которые подчеркивали важность баланса, умеренности и смирения перед судьбой.

Таким образом, во времена династии Цин, концепция оптимизма в китайской культуре была представлена как через рациональное управление и строгие законы, так и через учение о гармонии с природой и космосом. Эти различные подходы оказывали влияние на развитие китайской культуры и ее представлений об оптимизме на протяжении многих веков.

Во времена династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) и династии Тан (618 г. – 907 г. н.э.) концепция оптимизма в Китае также играла значительную роль и претерпела эволюцию в языке и культуре. В период Ханьской династии культурные и социальные изменения, внедрение конфуцианства в официальную политику и рост торговли способствовали распространению оптимистических идей. Конфуцианские учения о порядке, морали и гармонии активно пропагандировались, что создавало оптимистическую атмосферу в обществе. Этот период также отмечен значительными культурными достижениями, что также способствовало развитию оптимизма.

Во времена династии Тан, также известной как «Золотой век» китайской истории, оптимизм процветал в различных сферах жизни. Расцвет экономики, рост науки и искусства, а также прогресс в образовании стимулировали уверенность в будущем и веру в прогресс. Литература и искусство этого периода отражали энтузиазм и радость жизни, что способствовало формированию оптимистического взгляда на мир. Таким образом, во времена династии Хань и Тан концепция оптимизма в китайской культуре продолжала развиваться и оказывать влияние на общество, отражаясь в литературе, философии, искусстве и повседневных обычаях.

Во времена династии Юань (Монгольской династии 1279-1368 гг.) в Китае концепция оптимизма также имела свое развитие и влияние на культуру и язык. В этот период китайское общество переживало значительные изменения в политической, социальной и культурной сферах, что отразилось на представлении оптимизма.

Хотя династия Юань была периодом монгольского правления, культурные обмены между монголами и китайцами также способствовали развитию оптимистических идей. Например, монгольские вожди признавали важность китайской культуры и философии, что могло способствовать распространению оптимистических концепций в обществе. Оптимизм в языке и культуре этого периода мог проявляться через литературу, искусство и обычаи. Некоторые произведения литературы исследовали темы надежды, веры в светлое будущее и борьбы за справедливость, что могло служить источником вдохновения для людей того времени. Однако также следует отметить, что период династии Юань был временем политических потрясений, что могло приводить к утрате оптимизма у части населения. Тем не менее, оптимистические идеи и стремление к лучшему оставались важной частью китайской культуры и языка и в этот период.

В период династии Мин (1368-1644 гг.) концепция *лэ гуань* 乐观 – оптимизма в китайской культуре претерпела существенное развитие и оказала значительное влияние на различные сферы жизни. В этот период процветала культура и философия Китая, а оптимизм стал ключевым аспектом китайского менталитета. Во времена династии Мин оптимизм нашел свое воплощение в различных сферах жизни, включая философию, искусство, литературу и быденные практики. Значительный вклад в распространение оптимистических идей внесла конфуцианская философия, которая подчеркивала значение гармонии в обществе и личной жизни. Конфуцианство пропагандировало идеи порядка, морали и социальной ответственности, что способствовало формированию оптимистической атмосферы. Помимо этого, в период династии Мин наблюдался рост и развитие китайской литературы и искусства, что также способствовало распространению оптимистических концепций. Произведения литературы и искусства отражали радость жизни, красоту природы и межличностные отношения, что создавало благоприятную атмосферу оптимизма. Одним из ключевых аспектов оптимизма в китайской культуре периода Мин было всеобщее стремление к развитию и совершенствованию. Образование и знания приобретали все большую ценность, а общественная жизнь становилась более динамичной и разнообразной. Как считает китайская исследовательница Чжан Вэньфэн, «лучший способ предсказать будущее – создать его» [11].

В период династии Цин (1644-1911) и в последующие эпохи до наших дней концепция оптимизма в китайской культуре продолжала развиваться, одновременно подвергаясь влиянию различных исторических, социальных и политических трансформаций. После династии Цин, с внедрением западной культуры и глубокими изменениями в китайском обществе, дух оптимизма стал новым стилем в наследовании.

С одной стороны, традиционный аристократический класс Китая по-прежнему сохранял стойкий, непреклонный и позитивный оптимизм перед лицом национальной опасности и национального упадка. Они надеялись, что благотворные реформы императоров и мудрецов найдут свое продолжение и привнесут дух оптимизма традиционной культуры в жизненную философию всех слоев общества посредством образова-

ния и популяризации, литературного и художественного творчества и т.д. С другой стороны, благодаря влиянию западных держав и подъему движений за социальные реформы, таких как движение за международные отношения и реформу законодательства, китайцы начали активно перенимать передовые западные научные знания и институциональные концепции и стремиться к самосовершенствованию и национальному возрождению. Эти реформаторские движения не только продемонстрировали на практике упорство людей и их активное стремление к переменам перед лицом трудностей, но и способствовали современным преобразованиям и внедрению традиционного духа оптимизма в мышление, тем самым придавая духу оптимизма новую жизненную силу и оттенок времени.

Дух оптимизма в древнекитайском языке и культуре – это богатый и сложный эволюционный процесс, который постоянно развивался, углублялся и изменялся с течением времени и изменением исторических условий. На разных исторических этапах дух оптимизма в различных формах ярко воплощался в литературных произведениях, философской мысли, общественных обычаях и на других уровнях и становился важной движущей силой, способствующей социальному прогрессу и личностному росту.

Кроме того, в ходе китайской истории расцвет и упадок династий, иностранные вторжения и войны оказали глубокое влияние на выражение «оптимистической» мысли. Эти исторические события не только сформировали литературные и лингвистические произведения разных эпох, но и воплотили в них дух оптимизма.

Выводы

В статье было проанализировано происхождение и развитие концепции оптимизма в традиционной китайской культуре. В контексте языковой картины мира китайский культурный оптимизм становится ярким отражением отношения к жизни, окружающему миру и собственному месту в этом мире.

Анализ китайского культурного оптимизма через призму языковой картины мира помогает увидеть, как оптимизм пронизывает все сферы китайской культуры, включая язык, литературу, философию и повседневные обычаи. Оптимизм в китайской культуре не только выражается через слова, но и воплощается в действиях и отношениях между людьми.

Определение понятия и эволюция концепта *лэ гуань* 乐观 (оптимизм) в китайском языке и литературе позволяет увидеть, как оптимизм становится неотъемлемой частью китайской идентичности и культуры. Эволюция этого понятия от древности до современности отражает изменения в обществе, но основные ценности оптимизма остаются неизменными.

В целом статья подчеркивает важность оптимизма в китайской культуре и его глубокие корни в традициях и философии. Этот оптимизм является не только важным аспектом китайской идентичности, но и средством поддержания духа и единства в обществе. Его изучение открывает новые горизонты для понимания культурного контекста Китая и его влияния на современный мир.

Список источников

1. 巩海英."比较历史人物 感悟历史智慧." 新课程学习(上).12(2012):174. Гун Хайин. Сравнение исторических персонажей, ощущающих историческую мудрость // New Curriculum Learning. 2012. № 12. С. 174. DOI: CNKI:SUN:XINX.0.2012-12-409
2. 道德经大全集. N.p., 南文博雅, 2014. Дао дэ цзин, Большая книга. Изд-во «Наньвэнь Боа», 2014.
3. 任俊, 叶浩生. (2004). 乐观: 概念、测量及其与心理健康的关系. 心理科学进展, 12(3), 356-361. Жэнь Цзюнь, Е Хаошэн. Оптимизм: понятие, измерение и связь с психическим здоровьем // Успехи в области психологии. 2004. № 12(3). С. 356 – 361.
4. 孔子及其弟子. 论语·学而[M]. Конфуций и его ученики. Аналекты Конфуция – Лунь юй Сюэ Эр.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 26 – 203.
7. Словарь по психологии. Шанхай: Шанхайское образовательное издательство, 1995. URL: <https://elsu.ru/uploads/files/2017-10/1506973955>
8. 荀子 : 诸子百家论丛.中国, 古越社, 2015 年. Сюньцзы: Серия «Сто школ мысли». Китай, Гу Юэ Шэ, 2015.
9. 贺麟. (1986). 乐观与悲观. 哲学研究, (1), 3-10.[1]. Хэ Линь. Оптимизм и пессимизм // Философские исследования. 1986. № 1. С. 3 – 10. DOI: CNKI:SUN:IYSW.0.2019-09-006
10. 张文凤.预测未来的最好方式就是创造未来.江苏教育.02(2020):7–8. Чжан Вэньфэн. Лучший способ предсказать будущее – это создать его // Образование в Цзянсу. 2020. № 2. С. 7 – 8. DOI:CNKI:SUN:JAOI.0.2020-02-006
11. 张富祥.《吕氏春秋》引用《易经》诸例释义[J].周易研究, 2010(5):6. Чжан Фусян. Интерпретация примеров цитирования «И цзин» в «Люй ши чунь цю» // Исследования Чжоуи. 2010. № 5 (6). DOI: 10.3969/j.issn.1003-3882.2010.05.004
12. 唯美古韵 : 《诗经》读解. 中国, 华中科技大学出版社, 2019. Шицзин («Книга песен»). Китай, Изд-во Хуачжунского университета науки и техники, 2019.
13. Ben-Shahar T. Happiness Studies: An Introduction. Springer International Publishing, 2021. 132 p.
14. Hanzicraft / The Ultimate Chinese Character Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://hanzicraft.com/>
15. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. University of Chicago Press, 1987. 272 p.

16. Langacker R.W. Foundations of cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.
17. Tiger L. Optimism: The Biology of Hope. Kodansha International, 1995. 336 p.
18. Whorf B.L. Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. MIT Press, 1956. 278 p.

References

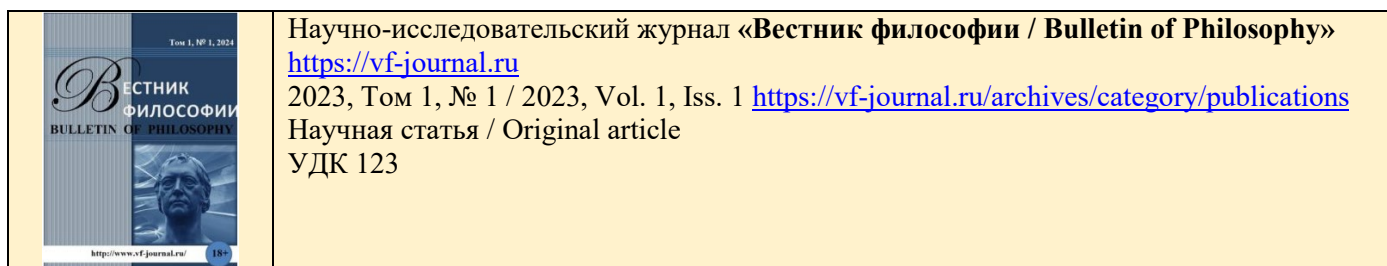
1. 巩海英."比较历史人物感悟历史智慧." 新课程学习(上).12(2012):174. Gong Haiyin. Comparison of historical characters who sense historical wisdom. New Curriculum Learning. 2012. No. 12. P. 174. DOI: CNKI:SUN:XINX.0.2012-12-409
2. 道德经大全集. N.p., 南文博雅, 2014. Tao Te Ching, Big Book. Publishing house "Nanwen Boa", 2014.
3. 任俊, 叶浩生. (2004). 乐观: 概念、测量及其与心理健康的关系. 心理科学进展, 12(3), 356-361. Ren Jun, Ye Haosheng. Optimism: concept, measurement and connection with mental health. Advances in psychology. 2004. No. 12(3). P. 356 – 361.
4. 孔子及其弟子. 论语·学而[M]. Confucius and his disciples. Analects of Confucius – Lun Yu Xue Er.
5. Lakoff J., Johnson M. Metaphors by which we live. M.: Editorial URSS, 2004. 256 p.
6. Sapir E. Language. Introduction to the study of speech. Sapir E. Selected works on linguistics and cultural studies. M.: Progress, 1993. P. 26 – 203.
7. Dictionary of psychology. Shanghai: Shanghai Educational Publishing House, 1995. URL: <https://elsu.ru/uploads/files/2017-10/1506973955>
8. 荀子：诸子百家论丛.中国，古越社，2015年. Xunzi: The One Hundred Schools of Thought Series. China, Gu Yue She, 2015.
9. 贺麟. (1986). 乐观与悲观. 哲学研究, (1), 3-10.[1]. He Lin. Optimism and pessimism. Philosophical studies. 1986. No. 1. P. 3 – 10. DOI: CNKI:SUN:IYSW.0.2019-09-006
10. 张文凤.预测未来的最好方式就是创造未来.江苏教育.02(2020):7–8. Zhang Wenfeng. The best way to predict the future is to create it. Education in Jiangsu. 2020. No. 2. P. 7 – 8. DOI:CNKI:SUN:JAOI.0.2020-02-006
11. 张富祥.《吕氏春秋》引用《易经》诸例释义[J].周易研究, 2010(5):6. Zhang Fuxiang. Interpretation of examples of citation of “I Ching” in “Lu Shi Chun Qiu”. Zhouyi Research. 2010. No. 5 (6). DOI: 10.3969/j.issn.1003-3882.2010.05.004
12. 唯美古韵：《诗经》读解. 中国，华中科技大学出版社，2019. Shijing (“Book of Songs”). China, Huazhong University of Science and Technology Publishing House, 2019.
13. Ben-Shahar T. Happiness Studies: An Introduction. Springer International Publishing, 2021. 132 p.

14. HanziCraft. The Ultimate Chinese Character Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://hanzicraft.com/>
15. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. University of Chicago Press, 1987. 272 p.
16. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.
17. Tiger L. Optimism: The Biology of Hope. Kodansha International, 1995. 336 p.
18. Whorf B.L. Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. MIT Press, 1956. 278 p.

Информация об авторе

Чжао Шуан, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9, superzs0513@gmail.com

© Чжао Шуан, 2023

¹ Слепинина М.Г.,

¹ Юго-Западный государственный университет

Проблема онтологического статуса свободы воли

Аннотация: в рамках данной статьи осуществлена глубокая разработка теоретических и методологических оснований, лежащих в сердцевине современных философских стратегий, направленных на разгадку вопроса об онтологической природе свободы воли. При этом особое внимание сосредоточено на оценке перспективности внедрения натуралистического подхода в контексте обсуждения данной проблематики. В результате анализа приходится констатировать, что привлечение натуралистической позиции в рамках обсуждений об онтологическом положении свободы воли не находит должного отклика и соответствия с высоким уровнем осмысления феномена реальности в современной научно-философской рефлексии. С учетом этого, вопрос об онтологическом значении свободы воли продолжает оставаться в центре актуальных философских исследований.

В качестве инициативы, направленной на преодоление данного методологического тупика, предложен инновационный подход к исследованию данной проблемы, в основу которого заложены новые принципы. Эти принципы предполагают переосмысление и расширение контекста обсуждения, позволяя более полно раскрыть онтологическую сущность свободы воли и выстраивать аргументацию на более прочной теоретической и методологической основе.

Ключевые слова: свобода воли, натуралистические предпосылки, метафизическая свобода воли, объективное и объектное знание, философско-онтологический анализ, субстанциональный дуализм, каузальная замкнутость

Для цитирования: Слепинина М.Г. Проблема онтологического статуса свободы воли // Вестник философии. 2023. Том 1. № 1. С. 43 – 50.

Поступила в редакцию: 9 января 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 8 февраля 2023 г.; Принята к публикации: 5 марта 2023 г.

¹ *Slepinina M.G.,*
¹ *Southwestern State University*

The problem of the ontological status of free will

Abstract: within the context of this article, the article explores the deep development of the theoretical and methodological foundations of modern philosophical approaches to the problem of the ontological status of free will. Special attention is also paid to assessing the prospects for introducing a naturalistic perspective in discussions of this matter. As a result of our analysis, we have concluded that the inclusion of a naturalist position within discussions on the ontological basis of free will does not yield a satisfactory response or match the high level of comprehension of the reality phenomenon in modern scientific and philosophical thought. Therefore, the issue of the ontological significance of free will remains central to current philosophical inquiry.

As an effort to overcome this methodological challenge, an innovative approach to studying this problem is being proposed, based on new principles. These principles include rethinking and expanding the scope of the discussion, in order to provide a more comprehensive understanding of the ontological nature of free will, and to build arguments on a stronger theoretical and methodological foundation.

Keywords: freedom of will, naturalistic presuppositions, metaphysical freedom of will, objective and object knowledge, philosophical and ontological analysis, substantial dualism, causal isolation

For citation: Slepinina M.G. The problem of the ontological status of free will. *Bulletin of Philosophy*. 2023. 1 (1). P. 43 – 50.

The article was submitted: January 9, 2023; Approved after reviewing: February 8, 2023; Accepted for publication: March 5, 2023.

Введение

В рамках данного аналитического исследования осуществляется детальный разбор теоретических и методологических фундаментов, которые формируют базу для многообразия существующих в современном философском дискурсе концепций, направленных на осмысление и решение захватывающей сложности вопроса, связанного с онтологической природой свободы воли. Особое внимание уделено возможностям и перспективам внедрения натуралистических подходов в текущие обсуждения данной темы. Достижения аналитической работы позволяют сделать вывод о том, что попытки включения натуралистической перспективы в контекст обсуждения онтологических аспектов свободы воли не находятся в созвучии с современным уровнем философской мысли о реальности, при этом сам вопрос свободы воли сохраняет свою неоспоримую значимость [1, с. 20].

Аргументация в тексте поднимает важное предположение о том, что свобода воли является не просто атрибутом, но основополагающим элементом объективного мира, а также ключевой онтологической характеристикой человеческой сущности [2, с. 154].

В поддержку этого взгляда представлены аргументы, критическое пересмотр которых выявляет конфликт с представлениями о причинной детерминированности как фундаментальной основе действительности, что представляет собой серьезный вызов для постулируемого подхода [3, с. 19].

Материалы и методы исследований

Методология данного исследования строится на синтезе нескольких ключевых подходов и практик, адаптированных к специфике задачи анализа взаимосвязей между натуралистическими предпосылками и пониманием метафизической свободы воли. Методологический каркас включает следующие компоненты:

1. Критический анализ литературы: изучение и критическое осмысление научных работ, посвященных вопросам свободы воли, ментальной и физической каузальности, а также субстанционального дуализма. Этот этап включает обзор философских, психологических и научных источников с целью выявления различных позиций по рассматриваемым вопросам.

2. Философско-онтологический анализ: глубинное изучение различных типов онтологий человека, идентификация и разграничение объективного и объектного знания. Этот аспект методологии направлен на выявление и разрешение противоречий между научными (натуралистическими) и метафизическими подходами к определению свободы воли.

3. Метод компаративного анализа: сравнение и противопоставление концепций субстанционального дуализма и других объяснительных моделей, способных дать объяснение природе сознания и свободы воли. Этап помогает оценить степень применимости каждой из концепций к решению поставленной проблемы.

4. Концептуальное моделирование: построение и обсуждение концептуальных моделей, описывающих динамику между ментальными и физическими состояниями, и их роль в контексте свободы воли. Этот подход позволяет сформулировать теоретические предложения о возможной онтологии метафизической свободы воли и ее взаимодействии с материальным миром.

Результаты и обсуждения

Исследуя фундаментальные принципы трансцендентализма, становится ясно, что знания, вытекающие из интроспективного ракурса, проявляются несостоятельными, поскольку они связаны с рассмотрением сознания и свободы воли как уникальных явлений, особенно в свете рефлексии жизненно значимых вопросов. Это наблюдение порождает срочную потребность в аналитическом знании, ориентированном на размышления об автономии и характере сознания, а также о его взаимодействии с концепцией свободы воли из перспективы объективного анализа. Попытка вынести на обозрение вопросы, касающиеся человеческой сущности в категории, подразумевающую метафизическую зоркость, и причисление к ней проблематики свободы воли, встречает противоречие с положениями трансцендентализма о непрозрачности собственного Я и ограниченности самоосмысления в контексте теоретического знания [4, с. 120].

В этой дихотомии между двумя противоположными мнениями, касаясь аргументов против трансцендентального подхода и его восприятия концепции свободы воли, можно делать выводы следующего характера: трансцендентальная позиция, утверждающая доминирование физического знания над метафизическим в духе Кантовской философии, приводит к «позитивности» знания через принятие антиреалистической интерпретации природы. Такой подход, акцентируя внимание на инструментальном взгляде на окружающий мир, подчеркивает невозможность полного самоосознания или достижения полной прозрачности для себя, так как обозрение «с точки зрения третьего лица» не способно обеспечить адекватное описание объективной действительности и рассмотрение вопросов, связанных со свободой воли, что требует пронизательного и объектно-ориентированного знания [5, с. 58].

Это вызывает обоснованные вопросы касательно онтологического статуса сущностей, важных для трансцендентализма, таких как свобода воли, сознание и внутренний смысл. В соответствии с трансценденталистским взглядом, данные феномены играют роль структурных детерминант для восприятия реальности, при этом сами по себе они не интегрированы непосредственно в ее состав [6, с. 91]. Для подкрепления такого толкования можно предложить следующий довод.

Выявление специфического ансамбля вопросов о сущности человека, требующих для своего осмысления подхода, основанного на объективном знании, порождает значительные теоретические и методологические последствия. Это дает возможность идентифицировать и оценить ошибки, проистекающие из безрефлексивного принятия натуралистических предположений. Особенно заметно, что ведение границы между объективным пониманием в научном контексте и объектным знанием влечет за собой необходимость разделения на две различные категории человеческих онтологий. Первая категория включает онтологии, возникающие из научного изучения человека и отражающие онтологические структуры научных теорий. Вторая напрямую связана с представлениями о человеке как элементе объективной реальности.

Неоднократно в наблюдениях практики фиксируется смешение основ этих онтологий при анализе вопросов свободы воли, что приводит к проблемам. В качестве примера можно привести рассмотрение субстанционального дуализма в контексте «проблемы сознание – тело», сталкивающееся с вопросами каузальности в рамках данного подхода, особенно когда это касается нарушения принципа каузальной замкнутости в физическом мире. Однако, такая постановка вопроса о каузальности может быть оспорена на основании того, что ментальная причинность не противоречит принципу каузальной замкнутости в его первичном понимании [7, с. 296].

Когда поднимаются вопросы физической каузальности, в том числе связанные с функционированием мозга, мы обращаемся к концепциям, принадлежащим к онтологическому полю научной теории. Эти концепции могут быть интерпретированы в антиреалистическом ключе и не относятся к объектному знанию напрямую, в связи с чем принцип каузальной замкнутости обретает значимость исключительно в пределах научной онтологии.

Таким образом, концепции ментальной и физической причинности не вступают в конфликт друг с другом; они просто находятся в разных онтологических полях и требуют отдельного рассмотрения.

В рамках трансцендентальной философской традиции выдвигается тезис о существовании специфических сущностей, занимающих ключевую роль в структурировании восприятия действительности, при этом эти сущности не являются её непосредственной частью. В центре научной дискуссии находится вопрос о возможности идентификации данных энтитетов и о том, насколько корректно считать свободу воли и сознание принадлежащими к их числу [8, с. 19]. Аутентичность такой атрибуции потребовала бы от трансцендентализма обоснования, что знания, исходящие из субъективного опыта, не подвержены трансформации в рамки общеобъективного анализа, с устремлением к моделированию утверждений, поддающихся артикуляции в контексте метафизического нарратива [9, с. 15]. Неопределенность относительно этой трансформативной способности означает значимую арену философских споров.

Применительно к доктрине Иммануила Канта о субъективном характере времени, лежащей в основании его трансцендентальных изысканий и служащей критерием для дифференциации мира «вещей в себе», включая концепцию свободы, возможно формулирование определенной критической позиции. Если подвергнуть сомнению реальное существование времени в объективном мире, тем самым оборачивается невозможностью настоящее понимание рождения и смерти, что ставит под вопрос целостность кантовской концепции таких феноменов и лишает их любого смысла. Следовательно, идея субъективности времени встречает свою непоследовательность, поскольку определенные ситуации вынуждают признать время как важнейший элемент онтологической структуры бытия [10, с. 129].

Исследование, направленное на глубинное понимание субъективности через призму трансценденталистского анализа, неизменно сталкивается с фундаментальными препятствиями. Эти препятствия исходят из принципиальной изменчивости субъективного опыта, не позволяющего отвлечься от физической составляющей человеческого бытия, а это ведет к неотвратимой необходимости учета таких базовых реалий как начало и завершение жизни.

В рамках поисков метода осмысления объективной реальности, освобожденного от ограничений натуралистического подхода, необходимо провести рассмотрение с специализированной фокусировкой на человеческой уникальности как в онтологическом, так и в эпистемологическом аспектах. Такой подход предполагает включение раздумий о сущности человека и его свободе воли в общий канвас изысканий о последней сущности реальности, представленный в форме вопросов о ее гомогенной онтологии. Несмотря на потенциальную уязвимость к критике за метафизическую направленность такого подхода, он представляет необходимую альтернативу существующим взглядам.

Как известно, задача обоснования основ для объективного познания представляет собой вызов как для традиционной, так и для аналитической метафизики, поскольку обе сталкиваются с методологическими барьерами, ставящими под вопрос возможность построения всеобъемлющей теории фундаментальной реальности. Это порождает дискуссии о целесообразности предпринятых попыток придать обоснованность концепции свободы воли в рамках либертарианского подхода.

Однако, предлагаемая мной стратегия представляет собой инновационное решение, способное обойти традиционные возражения, среди которых основным является аргумент о спекулятивном характере любого рассуждения о сущности последней реальности.

В итоге, такие сущности могут быть актуализированы как элементарные компоненты базовой структуры реальности, открывая обширные возможности для размышлений о фундаментальных онтологических принципах объективной реальности, включая изучение свободы воли, которая должна находиться в соответствии с этими элементарными основаниями.

Выводы

В завершающем размышлении обнаруживается замечательный ландшафт текущего философского диалога, где доминирует представление о том, что натуралистическая методология способна предоставить достоверную интерпретацию вопроса о метафизической свободе выбора. Впрочем, при столкновении с глубинными теоретическими и методологическими препятствиями данная позиция подвергается сомнению, что акцентирует внимание на проблематике онтологического анализа свободы воли как на философской тайне, требующей разрешения.

Взвешивая перспективы исследования данной темы, следует признать, что потенциальные прорывы в данной области будут определяться степенью убедительности и инновационности предлагаемых альтернативных концептуальных рамок. Предполагается, что путь к прогрессу в осмыслении этой захватывающей философской проблемы, рассматриваемой в рамках бесконечного философского поиска, заключается в стратегии, которая раскрывается через три ключевые плана: начиная с разведки моста между исследованием свободы выбора и его взаимосвязью с основополагающими принципами реальности; затем, освещение важности уникального эпистемологического веса глобальных жизненных испытаний, с которыми сталкивается индивид; и последнее, сосредоточение внимания на основных аспектах существования, например, на объективном времени, обеспечивающих фундамент для критического обсуждения распространенных антиреалистических подходов.

Список источников

1. Зима В.Н. К вопросу об общих принципах постановки и решения проблемы онтологического статуса свободы воли (в контексте современных дискуссий) // Философия и культура. 2018. № 11. С. 20 – 37.
2. Секацкая М.А. Моральная ответственность без свободы воли. Аргумент в пользу натуралистической этики // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 151 – 161.
3. Елагина Г.В. О моральном статусе подвига: к постановке проблемы // Культура и безопасность. 2023. № 3. С. 18 – 27.
4. Николаева Л.Ю. Онтологическое основание личности в философских системах // Интернет-журнал Науковедение. 2014. № 6 (25). С. 120.
5. Гаджикурбанов А.Г. Компатибилизм в прошлом: стоики Спиноза // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2020. № 2. С. 89 – 101.

6. Сурodeйкина Л.А. Проблема свободы воли как условие нравственности в обосновании смысла человеческой деятельности в философии Л.М. Лопатина // Вестник Международного института менеджмента ЛИНК. 2014. № 5 (34). С. 53 – 58.

7. Джамулаев А.А. Исторические предпосылки проблемы свободы воли в философии И.О. Лосского // Труды Грозненского государственного нефтяного технического университета им. академика М.Д. Миллионщикова. 2007. № 7. С. 296 – 300.

8. Рахматулина А.Т. Свобода воли в философии Августина Аврелия // Философия. Политология: материалы 57-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 14-19 апреля 2019 года. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2019. С. 19 – 20.

9. Беседин А.П., Логинов Е.В., Миронов Д.Г. Свобода воли и причинность в философии Л.М. Лопатина // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2019. № 6. С. 3 – 19.

10. Чугунов С.В. Проблема свободы воли в философии В.С. Соловьева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 4. С. 129 – 132.

References

1. Zima V.N. On the General Principles of Formulating and Solving the Problem of the Ontological Status of Free Will (in the Context of Contemporary Discussions). *Philosophy and Culture*. 2018. No. 11. Pp. 20 – 7.

2. Sekatskaya M.A. Moral Responsibility without Free Will. An Argument in Favor of Naturalistic Ethics. *Issues of Philosophy*. 2014. No. 10. P. 151 – 161.

3. Elagina G.V. On the Moral Status of a Feat: Toward Formulating the Problem. *Culture and Security*. 2023. No. 3. P. 18 – 27.

4. Nikolaeva L.Yu. Ontological Foundation of Personality in Philosophical Systems. *Internet Journal Naukovedenie*. 2014. No. 6 (25). P. 120.

5. Gadzhikurbanov A.G. Compatibilism in the Past: the Stoics Spinoza. *Bulletin of Moscow University. Series 7, Philosophy*. 2020. No. 2. P. 89 – 101.

6. Surodeikina L.A. The Problem of Free Will as a Condition of Morality in Justifying the Meaning of Human Activity in the Philosophy of L.M. Lopatin. *Bulletin of the International Institute of Management LINK*. 2014. No. 5 (34). P. 53 – 58.

7. Dzhamulaev A.A. Historical Prerequisites for the Problem of Free Will in the Philosophy of I.O. Lossky. *Proceedings of the Grozny State Oil Technological University named after Academician M.D. Millionshchikov*. 2007. No. 7. P. 296 – 300.

8. Rakhmatulina A.T. Free Will in the Philosophy of Augustine of Aurelius. *Philosophy. Political Science: Proceedings of the 57th International Scientific Student Conference, Novosibirsk, April 14-19, 2019*. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University, 2019. P. 19 – 20.

9. Besedin A.P., Loginov E.V., Mironov D.G. Free Will and Causality in the Philosophy of L. M. Lopatina. Bulletin of Moscow University. Series 7, Philosophy. 2019. No. 6. P. 3 – 19.

10. Chugunov S.V. The Problem of Free Will in the Philosophy of V. S. Solovyov. Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Cognition. 2021. No. 4. P. 129 – 132.

Информация об авторе

Слепина М.Г., Юго-Западный государственный университет

© Слепина М.Г., 2023